

АЛЕКСЕЙ НЕБОХОВ

КРАСНАЯ МОРОШКА

18+

Алексей Небоходов
Красная Морошка

«Автор»

2026

Небоходов А.

Красная Морошка / А. Небоходов — «Автор», 2026

Заброшенный лагерь в лесу. Гниющие корпуса. Поляна с могилой пионера-героя, где когда-то случилось то самое. Они приезжают как на пикник. С бутербродами и шутками про советское детство. И когда солнце садится, каждый оказывается наедине со своим кошмаром. Кто-то видит водителя, чья оболочка расползлась двадцать лет назад. Кто-то слышит детский хор. Кто-то находит пионерский галстук, который сгорел в костре. Пикник превращается в кровавую мясорубку. Потому что место помнит. Место голодно. И требует продолжения ритуала. Хоррор о том, что из пионерлагеря можно уехать. Но пионерлагерь из тебя — никогда.

© Небоходов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обратный путь	5
Глава 2. До первой крови	14
Глава 3. Сквозь зеркало	24
Глава 4. Могила погибшего пионера	33
Глава 5. Взрослый выбор	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Небоходов

Красная Морошка

Глава 1. Обратный путь

Июльская жара две тысячи второго года плавил асфальт за окном офиса, но Светлана Волкова ощущала лишь прохладу кондиционера над головой. Стекланный стол перед ней был безупречно организован: ровные стопки документов с цветными закладками, ручка Parker, подаренная партнёрами фирмы на прошлый день рождения, и тонкий ноутбук Dell, отражающий её сосредоточенное лицо. Десять лет корпоративной юридической практики, начатой сразу после института в беспокойные девяностые, научили её ценить порядок и контроль – то, чего так не хватало в детстве, в типовой пятиэтажке на окраине Москвы, где каждый день был непредсказуем.

Светлана перевернула страницу договора и сделала аккуратную пометку на полях. В приёмной кто-то говорил по телефону – приглушённый голос секретарши Натальи доносился сквозь неплотно прикрытую дверь. Обычный рабочий день.

Телефонный звонок разорвал тишину кабинета – внезапно, почти агрессивно. Светлана вздрогнула, несмотря на годы тренировки сохранять невозмутимость. Внутренний телефон обычно не звонил после трёх – время встреч с клиентами заканчивалось, начинался период работы с бумагами.

– Светлана Анатольевна, вас на второй линии. По личному вопросу, – голос Натальи звучал слегка растерянно.

– Кто?

– Тимофей Орлов. Сказал, что вы его знаете.

Что-то дрогнуло в груди – смутное, но отчетливо неприятное ощущение, словно кто-то коснулся старого синяка. Тимофей Орлов. Это имя не всплывало уже... сколько? Пятнадцать лет? Двадцать?

– Соедините, – услышала Светлана собственный голос и удивилась его спокойствию.

Щелчок, а затем – голос, который она узнала бы из тысячи. Низкий, с бархатистыми нотками, с той особой манерой растягивать гласные. Голос, который в детстве убеждал её перелезть через забор соседского сада, а в юности – пойти на вечеринку вместо подготовки к экзаменам.

– Светик, неужели это ты? А я уж думал, твоя секретарша решит, что я навязчивый клиент, и даст от ворот поворот.

Светлана машинально одёрнула пиджак цвета слоновой кости.

– Тимофей? Вот уж кого не ожидала услышать, – она старалась говорить ровно, но собственный голос показался чужим – слишком высоким, слишком напряжённым.

– Всё-таки узнала, – в его смехе слышалось удовлетворение, словно он только что выиграл пари. – Как поживаешь, корпоративная акула? Я случайно увидел статью о твоей фирме в «Коммерсанте». Подумал – надо же, та самая Светка Волкова, с которой мы лягушек в пруду ловили, теперь защищает интересы нефтяных магнатов.

Светлана почувствовала, как сердце ускоряет ритм. Упоминание о лягушках – незначительная деталь из прошлого, но почему-то именно она вызвала волну воспоминаний. Двор с облупившимися скамейками, запах сирени, грязные коленки и разорванный рукав рубашки, за который потом так ругала мама.

– Мир тесен, – она перевела взгляд на окно, где в пыльном московском небе плыли редкие облака. – Чем сейчас занимаешься?

– Я теперь в бизнесе, – он произнёс это слово с лёгкой иронией, но за ней чувствовалась гордость. – Международные перевозки, логистика, таможенная очистка. Офис на Садовом. Знаешь, как в песне – кто был ничем, тот стал всем.

Светлана невольно усмехнулась. Тимофей всегда умел вставить цитату к месту. Это осталось неизменным, как и его способность вести разговор так, будто они виделись только вчера.

– Рада за тебя, – она постукивала карандашом по блокноту, ожидая, что он наконец перейдёт к цели звонка. Тимофей никогда не делал ничего просто так.

– Знаешь, я недавно пересёкся с Романом Зельдиным, – продолжил он, будто не замечая напряжения. – Помнишь Ромку? Вечно всё просчитывал, даже в пионерлагере. Пока остальные спорили, он уже знал, кто в итоге окажется крайним.

Светлана медленно отложила карандаш.

– Конечно, помню. И что с ним?

– Нормально. Юрист, корпоративка, сделки, схемы. Живёт аккуратно, без лишних движений. Тип людей, у которых всегда есть запасной выход, – Тимофей хмыкнул. – Мы посидели, поговорили. И, как водится, разговор сам собой свернул не туда.

Светлана не спросила куда. Она уже чувствовала это неприятное, знакомое стягивание где-то под рёбрами.

– «Красная морошка», – произнёс Тимофей. – Наш пионерлагерь. Восемьдесят второй. Летняя смена.

Она отвела взгляд, делая вид, что перебирает бумаги.

– Это было давно. И не сказать, чтобы особенно важно.

– Двадцать лет – не срок, – спокойно ответил он. – Особенно если помнить, кто тогда был рядом. Ты, я, Лена Вязова, Роман, Марина Колесова, Ксюша Галкина... Антон. Вся компания.

Имена легли тяжело, одно за другим, как выложенные на стол карты. Лена – тихая, внимательная, всегда рядом, когда кто-то «ломался». Марина – громкая, уверенная, смеющаяся первой. Ксюша – молчаливая, практичная, всегда знавшая, как «правильнее». Антон – с вечной ухмылкой, за которой всегда что-то пряталось.

– Допустим, – сказала Светлана. – К чему ты это?

– К тому, что лагерь ещё стоит. Точнее, то, что от него осталось. Мы с Романом подумали... – он сделал короткую паузу, – а почему бы не съездить туда. Всем вместе.

– Зачем? – спросила она резче, чем хотела.

– Ностальгия, – легко ответил Тимофей. – Проверить, что всё это действительно осталось в прошлом. Я уже поговорил с Леной. Она согласилась почти сразу. Марина загорелась идеей. Ксюша сказала, что посмотрит по времени, но, думаю, поедет. Антон тоже не против.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается глухая тревога – не страх, а именно тревога, как перед чем-то неизбежным.

– Это плохая идея, – сказала она. – Заброшенный лагерь, лес, руины. Мы давно не дети.

– Именно поэтому, – мягко ответил Тимофей. – Мы взрослые люди, которые могут позволить себе посмотреть назад. Без истерик. Без драм. Просто съездить. На одну ночь.

Он говорил спокойно, уверенно – тем тоном, которым всегда умел превращать решение в уже свершившийся факт.

– Ты ведь понимаешь, – добавил он, – если мы не сделаем этого сейчас, не соберёмся уже никогда.

Светлана посмотрела на календарь. Выходные были пустыми. Слишком пустыми.

– Я не уверена, что хочу туда возвращаться, – сказала она тихо.

– А кто хочет? – в голосе мелькнула едва заметная насмешка. – Но, Светик... если бы всё там было неважно, ты бы не сказала это таким тоном.

Она промолчала.

– Встретимся на вокзале в субботу, в семь, – продолжил он, будто вопрос уже решён. – Возьми что-нибудь тёплое. И удобную обувь. Лес всё-таки.

Пауза затянулась.

– Хорошо, – сказала она наконец. – В субботу.

– Отлично, – в голосе прозвучало удовлетворение. – Будет... интересно.

Он отключился.

Светлана осталась сидеть, глядя в одну точку. Название всплыло само – «Красная морошка». Запах сырого дерева. Скрип половиц. Баня. Лесная тропа. И место, о котором они никогда не говорили вслух.

Она знала: если они туда поедут, назад всё равно ничего не вернётся.

Светлана вышла из такси за пятнадцать минут до назначенного времени. Вокзал встретил привычной субботней суетой – молодые мамы, тянущие за собой детей к дачным электричкам, туристы с рюкзаками, усталые проводники с потухшими глазами. Она задержалась у входа, вдыхая смесь запахов – горячие пирожки, выхлопные газы, дешёвый одеколон спешащего мимо мужчины. Пятнадцать минут одиночества, последний шанс передумать.

Но она уже знала, что не передумает.

Женщина прошла в центральный зал и остановилась у табло с расписанием. Рюкзак за плечами казался легче, чем должен был. Смена одежды, фонарик, бутылка воды, пара бутербродов – будто собиралась на короткую загородную прогулку, а не в место, которое двадцать лет пыталась забыть.

Первым она заметила Тимофея. Он стоял у газетного киоска – высокий, широкоплечий, в очках, в простой, но явно дорогой куртке цвета хаки. Остальные уже собрались рядом. Светлана не двинулась с места, разглядывая их издалека.

Лена Вязова казалась почти такой же хрупкой, как в юности. Светлые волосы аккуратно уложены, в жестах – та же мягкая грация. Она стояла чуть в стороне, склонив голову набок, слушая Тимофея. Время от времени едва заметно кивала, и эти кивки странным образом совпадали с паузами в его речи – словно инстинктивно чувствовала моменты, когда собеседнику требовалось подтверждение.

Роман Зельдин сверял что-то в телефоне с бумажным расписанием. Его лицо, когда-то по-мальчишески открытое, приобрело жёсткие черты – глубокие морщины у глаз, плотно сжатые губы. В нём чувствовалась проверенная временем сдержанность человека, который просчитывает всё на несколько ходов вперёд.

Марина Колесова выделялась даже в утренней толпе – ярко-красное пальто, броская бижутерия, громкий смех. Она активно жестикулировала, рассказывая что-то, и Светлана безошибочно узнала прежнюю Марину – всегда в центре внимания, всегда чуть громче необходимого.

У колонны Ксюша Галкина делала селфи, тщательно выбирая ракурс. Даже отсюда было видно, как она поджимает губы, добиваясь нужного выражения. Светлана отметила перемену: когда-то тихая и неприметная Ксюша теперь излучала уверенность, граничащую с надменностью.

И наконец – Антон Мионов. Он стоял, прислонившись к стене, наблюдая за проходящим мимо проводником с потрёпанным чемоданом. Губы искривились в усмешке, и Светлана готова была поклясться, что слышит его ехидный комментарий даже на расстоянии. В позе, небрежно-расслабленной, во взгляде, цепко выхватывающем детали, сквозило что-то хищное.

– Ну вот и наша Светочка, – голос Тимофея вырвал её из наблюдений.

Шесть пар глаз обратились к ней. Поздно отступать. Светлана направилась к группе с улыбкой, которую отработывала перед важными клиентами – достаточно тёплой, чтобы не казаться отдалённой, и достаточно сдержанной, чтобы не выглядеть чрезмерно дружелюбной.

– Привет.

Первой подскочила Марина, обдав волной сладковатого парфюма:

– Светка! Боже мой, как ты похорошела! Даже в походных шмотках выглядишь как с обложки, – её руки сжали плечи Светланы чуть сильнее, чем того требовали приличия.

– Обычная куртка, – Светлана мягко высвободилась, одёргивая рукав.

– Да ладно скромничать, – Марина подмигнула, оглядывая её с нескрываемой оценкой.

Тимофей шагнул вперёд:

– У нас десять минут до электрички, – он слегка приобнял Светлану за плечи и тут же отпустил. – Потом наговоритесь. Марина, ты купила воды? Рома, ты проверил обратные рейсы после девяти?

Светлана отметила, как естественно все подчинились этим вопросам-указаниям. Марина достала бутылки с водой, Роман кивнул, показывая телефон. Тимофей даже не дождался ответов – уже раздавал следующие инструкции.

Лена подошла с мягкой улыбкой и обняла Светлану. Объятие было лёгким, почти неведомым.

– Как же я рада тебя видеть, – она на секунду опустила глаза, прежде чем снова поднять их с отретпетированной теплотой. Пальцы слегка сжали локоть Светланы. – Я видела твоё имя в юридическом журнале в прошлом месяце. Что-то о корпоративных спорах? Впечатляет.

Светлана почувствовала, как внутри что-то сжалось. Она никогда не давала интервью юридическим журналам. Рука Лены на локте казалась неестественно лёгкой, а уголки губ едва заметно напряглись при упоминании журнала.

Роман коротко пожал руку, деловито спросил о дорожной обстановке в центре и почти сразу переключился на своё расписание, бормоча о времени прибытия и пересадках. Он периодически оглядывался, будто оценивая пути отступления.

Ксюша обняла Светлану:

– Выглядишь потрясающе! Просто не могу поверить, сколько лет прошло, а ты всё такая же! – голос звучал слишком восторженно, а взгляд деловито скользил по фигуре, словно сканируя.

Антон подошёл последним, без объятий, только насмешливо приподняв бровь:

– Ну что, Светик-семицветик, решила вспомнить молодость? – он усмехнулся, наклоняясь ближе. Дыхание с запахом мятной жвачки коснулось её уха. Взгляд скользнул по залу, цепляясь за детали. – Видишь вон ту женщину с красным чемоданом? Спорим, она прячет от мужа билеты в Сочи, а сама скажет, что едет к больной тётке в Тверь?

Так похоже на прежнего Антона – подмечать детали, превращать их в жестокие шутки.

– Идёмте, – Тимофей снова взял инициативу, указывая в сторону платформы. – Электричка уже подана.

Они двинулись единой группой. Светлана шла чуть в стороне, наблюдая, как легко, почти незаметно Тимофей управлял их маленьким коллективом – подтолкнул вперёд замешкавшуюся у киоска Марину, придержал за локоть Лену, когда та чуть не оступилась на ступеньках. Он делал это так естественно, что остальные даже не замечали, как подчиняются.

Электричка оказалась почти пустой – редкие пассажиры дремали, уткнувшись в телефоны или глядя в окна. Группа заняла часть вагона с сиденьями друг напротив друга.

– Как в старые добрые, – заметил Антон, усаживаясь у окна. – Помните, как мы ездили на озеро тем летом после восьмого класса? Ты ещё, Ромка, портвейн из родительского шкафа стащил, в термосе притащил.

Роман поморщился:

– Было дело. Теперь предпочитаю более достойные напитки. В прошлом месяце открыл винный бутик с партнёром. Элитный импорт, прямые поставки из Италии.

– О, как официально! – Антон изобразил шутовской поклон. – «Элитный импорт». А во дворе за гаражами ты это называл «спереть у папаши из бара».

По лицу Романа пробежала тень раздражения, но он тут же натянуто улыбнулся:
– Детство прошло, Антоша. У меня, по крайней мере.

Светлана заметила, как Тимофей едва заметно улыбнулся, наблюдая эту пикировку. Он словно оценивал каждую реакцию, каждое слово.

Поезд тронулся. За окном потянулись однообразные пейзажи – серые заборы, гаражи, унылые задворки. Электричка стучала на стыках рельсов, и под этот монотонный ритм постепенно завязался общий разговор.

– А я, между прочим, на телевидении работаю, – с гордостью объявила Марина, демонстративно поправляя кольцо. – Помощник продюсера на утреннем шоу. Ведущие все мои, без меня ни шагу. Вчера для Кристины Орбакайте костюм четыре часа выбирали!

– Обалдеть, – Ксюша явно пыталась скрыть зависть за улыбкой. – А мне приходится терпеть скучных клиентов в турагентстве. Зато в этом месяце уже третий раз в Турцию полечу, – она многозначительно посмотрела на остальных и словно невзначай продемонстрировала кольцо на пальце. – С женихом. Он инвестиционный аналитик.

– Какой удачный вклад, – ухмыльнулся Антон.

Ксюша стрельнула в него недовольным взглядом:

– А ты что сейчас делаешь?

– Я? – Антон откинулся на сиденье, закидывая ногу на ногу. – Провожу социальные эксперименты. Официально это называется «HR-специалист», но по сути... – он сделал паузу, с наслаждением глядя на лица слушателей, – я выясняю, как долго люди могут терпеть унижение, прежде чем сломаются. Вчера один новенький расплакался на собеседовании. Взрослый мужик!

Он засмеялся. Никто не подхватил.

– Это жестоко, – тихо заметила Лена, опустив глаза.

– Жизнь жестокая, крошка, – Антон подмигнул ей. – Я просто помогаю людям быстрее это понять.

– А я считаю, – вмешался Тимофей, мягко перехватывая разговор, – что людям нужно давать выбор. В моей компании я как исполнительный директор всегда предоставляю сотрудникам варианты. Они сами решают.

Он начал рассказывать о своей управленческой философии. Светлана слушала вполуха, но заметила: при упоминании какой-то сотрудницы из бухгалтерии в глазах Тимофея мелькнуло беспокойство, на мгновение исказившее самоуверенный тон.

Лена рассказала о работе в художественной галерее – как она «создаёт пространство для эмоционального выражения художников». За красивыми фразами Светлане слышалась пустота. Лена говорила тихо, с выверенными паузами, время от времени глядя собеседникам в глаза так внимательно, что каждый чувствовал себя особенным.

Роман вставлял упоминания деловых связей – «мой партнёр из министерства», «мой клиент, владелец сети отелей». Но в его глазах, постоянно оценивающих собеседников, читалась тревога.

Через час Светлана увидела картину отчётливо. За внешним благополучием, за историями успеха таилось что-то надломленное. Смех звучал громче необходимого. Улыбки не достигали глаз. Жесты были слишком размашистыми или скованными. Они играли роли успешных людей – но играли неумело, с фальшивыми нотами.

– А помните, – вдруг сказал Роман, глядя в окно на сосновый лес, – как мы шли тогда от станции до лагеря? Через тот овраг.

Тишина. Марина побледнела. Лена опустила голову. Ксюша сжала в руках телефон. Антон впервые за всю поездку перестал улыбаться.

– Да, длинная была дорога, – наконец нарушил молчание Тимофей. Голос звучал почти естественно, но Светлана заметила, как напряглись мышцы на его шее. – Кстати, о дороге. Нам выходить через две остановки. Лена, ты захватила термос?

Разговор возобновился, но уже другой – поверхностный, осторожный. Погода, транспорт, последние фильмы. Никто больше не упоминал ни лагерь, ни дорогу к нему.

Светлана смотрела в окно на проносящиеся деревья и думала, что они все, как эта электричка, – несутся по рельсам, заданным много лет назад.

Станция казалась застывшей во времени – деревянное здание с облупившейся зелёной краской, одинокая скамейка, ржавая урна. Светлана поёжилась от прохлады, которую не скрадывало даже летнее солнце.

– Боже, куда мы приехали? – Марина театрально прикрыла нос платком. – Тут даже такси не вызовешь.

Роман поднял телефон над головой:

– Связи нет. Как и следовало ожидать.

Антон щёлкнул фотографию покосившегося здания:

– Добро пожаловать в прошлое. Тут даже поезд в будущее не останавливается.

Тимофей встал во главе группы:

– До лагеря километров семь. Дорога – сами понимаете, не автобан. Раньше мы за час добирались.

– Раньше нам было по двенадцать, – напомнила Светлана, поправляя рюкзак. – И дорога была накатанной.

Тимофей обернулся с неожиданной теплотой:

– А ты помнишь. Я думал, забыла.

Что-то в его взгляде заставило её отвести глаза – слишком личное, словно он говорил о чём-то другом.

Они двинулись по узкой тропинке, уходившей в лес. Заросшая колея, когда-то бывшая грунтовой дорогой, едва угадывалась среди высокой травы. Тимофей шёл первым, уверенно раздвигая ветки.

– Держимся друг друга, – бросил он через плечо. – Тут легко сбиться.

– Я думала, будет тропинка нормальная, – Марина морщилась, перешагивая через лужи. – Моим туфлям конец.

– Надо было кроссовки надевать, – отозвался Тимофей, не оборачиваясь.

– Ага, а ещё противогоаз и болотные сапоги!

Антон сфотографировал её туфли, увязшие в грязи:

– Для корпоративной коллекции «Гламур на выживании».

– Отвали, Тоха, – огрызнулась Марина, но рассмеялась, когда он скорчил обиженную гримасу.

Лена шла рядом со Светланой, изредка касаясь её локтя:

– Вдыхаешь? – тихо спросила она. – Этот запах... сосны, прелые листья. Я иногда во сне его чувствую.

Та кивнула. Воздух здесь был насыщен не только лесной свежестью, но и чем-то ещё – отголосками прошлого.

Роман постоянно сверялся с бумажной картой:

– Мы идём не туда, – сказал он через полчаса, когда тропинка раздвоилась. – По моим расчётам, нужно правее.

Тимофей остановился, вытер пот со лба:

– С каких пор ты специалист по лесным тропам?

– С тех пор как у меня есть карта сорок третьего года и компас, – Роман развернул потрёпанный лист. – Вот лагерь, вот станция. Вдоль ручья будет короче.

Тимофей изучал карту, потом неохотно кивнул:

– Хорошо, попробуем по-твоему.

На его лице мелькнуло раздражение. Он не любил, когда его лидерство ставили под сомнение, – это не изменилось с детства.

Дорога становилась труднее. То, что раньше было широкой грунтовой дорогой, превратилось в тропинку, усеянную корнями и камнями. Ксюша подошла к Роману:

– Ты всегда был таким умным. Помнишь, как объяснял мне задачки по физике перед экзаменами? Учитель был в шоке, когда я вдруг всё решила.

Роман улыбнулся краем губ:

– Память у тебя хорошая.

– На некоторые вещи – очень, – Ксюша понизила голос и положила руку ему на плечо.

Антон подошёл с другой стороны:

– А помнишь, Ксю, как ты на дискотеке в лагере плакала, потому что никто не приглашал тебя танцевать? – он ухмыльнулся. – Как быстро всё меняется.

По лицу Ксюши пробежала тень, но она быстро справилась:

– Зато тебя никто не изменит, Тоха. Всё такой же наблюдательный.

– Это называется «хорошая память на детали», – он подмигнул и отошёл вперёд.

Они шли уже больше часа. Лес становился гуще, солнце едва пробивалось сквозь кроны. Тимофей дважды останавливался, сверяясь с направлением.

– Кажется, мы заблудились, – наконец произнесла Марина, опираясь на ствол дерева. – Я натёрла такую мозоль, что скоро пойду босиком.

– Мы не заблудились, – отрезал Тимофей. – Просто дорога изменилась.

– Как и всё остальное, – тихо добавила Лена.

Роман достал бутылку воды:

– У нас уходит больше времени, чем я рассчитывал. Если не дойдём до лагеря к пяти, придётся возвращаться в темноте.

– Если вообще найдём обратную дорогу, – хмыкнул Антон.

– Может, стоит вернуться? – предложила Ксюша.

Тимофей резко обернулся:

– Мы почти пришли. Не для того я всех собирал, чтобы развернуться на полпути.

Светлана заметила, как напряглись его плечи, сжались кулаки. Что-то слишком личное было для него в этой поездке.

– Давайте передохнём пять минут, – предложила она. – А потом дальше. Я помню, там должен быть овраг перед лагерем. Если найдём его – мы на правильном пути.

Они расположились на поваленном дереве. Усталость сделала их молчаливыми. Лес вокруг тоже затих – только стук дятла и шелест листьев.

– А помните, как мы ходили в поход с ночёвкой? – вдруг сказала Марина. – Нам казалось, что мы так далеко ушли от лагеря, а потом выяснилось, что сделали круг в километр.

– И как вожатый психовал, – подхватил Роман с искренней улыбкой. – Как его звали?

– Гриша, – сказала Светлана, и что-то холодное скользнуло по спине.

– Точно! – Марина рассмеялась, но глаза на мгновение потемнели. – А помните его коронное: «Пионеры, равняйся! По порядку номеров – рассчитайся!»

Они вдруг начали вспоминать – лагерные песни, ночные вылазки, первые тайком выкуренные сигареты. Никто не упоминал последнюю ночь.

– А столовая с алюминиевыми мисками, – мечтательно протянула Ксюша. – И компот из сухофруктов!

– И картошка, вечная картошка, – подхватил Антон без обычной язвительности. – И макароны по-флотски.

– И драники по пятницам, – вспомнила Лена, обхватив себя руками. – Я всегда просила добавки.

– А тушёнка на завтрак, – Тимофей улыбнулся. – Я тогда думал, что это самая вкусная еда в мире.

Светлана услышала в его голосе то же, что чувствовала сама – странную смесь ностальгии и горечи. Будто это было другое, безмятежное время. Хотя она помнила: безмятежным оно не было.

Через полчаса они снова двинулись в путь. Тимофей шёл осторожнее, чаще останавливался. Лес менялся – сосны стали выше, между ними появились берёзы с тревожно белыми стволами.

– Здесь, – вдруг сказал он, останавливаясь перед густым кустарником. – Тут должна быть тропа.

Раздвинул ветки – за ними обнаружилась узкая, но различимая тропинка, уводящая вниз.

– Овраг, – тихо сказала Светлана.

Все замолчали. То самое место. То, которое старательно обходили в разговорах двадцать лет.

– Осторожнее, крутой спуск, – деловито сказал Тимофей. – Лена, держись за меня.

Они начали спускаться. Земля осыпалась под ногами, приходилось хвататься за корни и ветки. Марина тихо ругалась. Роман поддерживал Ксюшу за локоть.

– Как в компьютерной игре, – комментировал Антон. – «Найди выход из советского детства». Только сохраниться нельзя.

На дне оврага было сумрачно и влажно. Ручей, почти пересохший, еле слышно журчал среди камней. Светлана задержалась у воды, глядя на своё отражение. Из тёмной глади смотрела усталая женщина с тревожными глазами.

– Идёмте, – голос Тимофея вернул её в реальность. – Теперь наверх, и мы почти на месте.

Подъём был труднее спуска. Когда они выбрались на противоположный склон, все тяжело дышали. Даже Тимофей выглядел измождённым.

– Четыре часа дня, – сообщил Роман. – Идём почти три часа.

– Зато почти на месте, – ответил Тимофей. – Вон та сосна. За ней начиналась территория лагеря.

Они направились к высокой раздвоенной сосне, которая действительно выглядела знакомо. За ней лес редел, и вскоре они вышли на открытое пространство, заросшее высокой травой.

– Вот и пришли, – тихо сказал Тимофей.

Перед ними раскинулся заброшенный пионерский лагерь «Красная морошка». От арки с названием остались только два покосившихся столба. Главная аллея, когда-то вымощенная гравием, теперь поросла молодыми берёзками. Справа и слева виднелись остовы зданий – кирпичные корпуса с провалившимися крышами, облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами, полуразрушенная столовая с осыпавшимися кирпичами у основания.

В центре, на месте площади для линеек, высокая трава колыхалась от ветра. Флагшток с давно истлевшим флагом накренился, напоминая сломанную руку, тянущуюся к небу.

Воздух наполнился запахом сырого кирпича, плесени и чего-то ещё – запахом времени, разрушающего всё, что люди считали вечным.

Группа замерла у входа, молча разглядывая картину запустения. На лице Марины застыло выражение ужаса. Лена инстинктивно прижала руку к груди, словно защищаясь. Роман хмурился, не отрывая взгляда от красных стен, покрытых мхом и граффити. Ксюша медленно подняла телефон, делая фото, но её рука заметно дрожала. Антон стоял неподвижно, его обычная насмешливость исчезла, сменившись странным, напряжённым вниманием.

Тишина, окутавшая их, казалась осязаемой. Не было слышно даже птиц, словно и они избегали этого места.

– Ну что, вернулись домой? – голос Тимофея прозвучал странно громко, нарушив безмолвие. В его тоне слышалось что-то похожее на удовлетворение, как будто он достиг некой цели, понятной только ему.

– Господи, здесь всё ещё хуже, чем я представляла, – Марина нервно засмеялась, оглядываясь по сторонам. – Как будто после бомбёжки.

– Время никого не щадит, – философски заметил Роман, поправляя очки. – Двадцать лет без присмотра – и вот результат.

– Как прикольно, – Ксюша сделала ещё несколько снимков. – Прямо локация для фильма ужасов.

– Или для фильма о нашем детстве, – тихо добавила Лена. – Я почти слышу горн и голоса.

Антон медленно прошёл вперёд, пиная обломок кирпича:

– Социалистическое наследие, – произнёс он с ядовитой иронией. – Всё развалилось, как и система, которая его создала.

Тимофей посмотрел на Светлану, его глаза блеснули в лучах клонящегося к закату солнца:

– А ты что скажешь, Светик? Жалко нашу «Морошку»?

Та молчала, ощущая, как внутри поднимается необъяснимая тревога. Она смотрела на тёмный лес, обступивший лагерь, на кроны деревьев, покачивающиеся от ветра, на тени, становившиеся всё длиннее по мере того, как солнце опускалось. Ей казалось, что лес наблюдает за ними – выжидает, оценивает, помнит.

– Мы должны были оставить это в прошлом, – наконец произнесла она, не отрывая взгляда от темнеющего леса. – Некоторые вещи лучше не трогать.

– А мы и не трогаем, – улыбнулся Тимофей. – Просто смотрим. Пока.

Глава 2. До первой крови

Группа двинулась вглубь лагеря по заросшим тропинкам, когда-то бывшим центральными аллеями «Красной морошки». Под ногами хрустели обломки кирпича, осколки стекла и прошлогодние сосновые шишки. Воздух был пропитан запахом влажной древесины, ржавчины и чего-то ещё – неуловимого, тревожного. Никто не произносил ни слова. Каждый чувствовал, как нечто невидимое связывает настоящее с прошлым, от которого они двадцать лет пытались убежать.

Тимофей шёл впереди. Плечи были напряжены, взгляд жадно впитывал картины запустения. Светлана наблюдала за его уверенной походкой с тревогой, которую не могла себе объяснить. В его движениях ей виделась какая-то затаённая цель, словно это путешествие было не ностальгическим визитом, а шагом в глубоко продуманном плане.

– Боже, тут всё даже ещё хуже, чем я думала, – Марина поёжилась, глядя на разрушенное здание столовой с обвалившейся крышей. – Помните, как мы тут играли в «Зарницу» и бегали по этим аллеям?

– Интересно, кто-нибудь когда-нибудь выигрывал эту игру по-настоящему? – Антон хмыкнул, пнув обломок кирпича. – Или это была очередная советская тренировка для бесконечной готовности к войне, которая так и не пришла?

Лена осторожно провела рукой по стволу берёзки, выросшей посреди площадки для утренних линеек:

– Странно видеть, как природа возвращает себе это место. Будто все наши детские страхи и радости больше не имеют значения.

Ксюша, не отрывая глаз от телефона, продолжала фотографировать:

– Обалдеть, какой контраст. Тут же всё было таким ухоженным, помните? Эти клумбы с красными звёздами из цветов...

– Смотрите! – голос Романа прервал поток воспоминаний. – Вон тот корпус выглядит почти целым.

Он указывал на двухэтажное кирпичное здание в отдалении от остальных построек. Несмотря на общую атмосферу разрухи, этот корпус сохранился лучше других – стены ещё держались, крыша была относительно цела, хотя окна зияли тёмными провалами.

Они подошли ближе. Над входом висела покосившаяся ржавая вывеска с едва различимой надписью «Пламя» и номером «4». Красная краска на фасаде облупилась, обнажив серый бетон. Ступени крыльца поросли мхом, металлические перила покрылись рыжей ржавчиной.

– Корпус «Пламя», – тихо произнесла Светлана, и в её голосе Тимофей уловил едва заметную дрожь. – Мы ведь жили здесь в ту смену.

Мужчина повернулся к ней. Глаза сверкнули странным, почти хищным блеском:

– Да, именно здесь. Ты помнишь, какая у тебя была комната?

Светлана отвела взгляд:

– Нет. Не помню.

Это была ложь, и все понимали. Особенно Тимофей, чьи губы дрогнули в едва заметной усмешке.

Роман деловито осмотрел здание, поправляя очки:

– Солнце уже садится, – он сверился с часами, – у нас есть часа два светлого времени, чтобы обустроиться. Предлагаю заночевать здесь. Корпус выглядит достаточно крепким.

– Заночевать? – Марина нервно рассмеялась. – Ты шутишь?

– На электричку мы уже не успеваем, – спокойно ответил Роман. – Следующая будет только утром.

– Отлично, – Тимофей хлопнул в ладоши, будто именно этого момента и ждал. – Значит, остаётся. Как в старые добрые. Ромка, ты прав, надо действовать быстро. Распределим обязанности.

Светлана заметила, как Роман слегка поморщился – ему явно не понравилось, что Тимофей перехватил инициативу. Но он быстро справился с собой и кивнул:

– Хорошо, давайте так: Тимофей и Антон, вы идёте за дровами. Нам понадобится костёр, ночью будет холодно. Марина и Ксюша, вы займитесь обустройством комнаты на ночлег – выберите какую-нибудь палату, расчистите пространство. А мы со Светланой и Леной пойдём на старую площадку для костра – помните, где мы каждый вечер собирались на «орляцкий круг»? Там ещё должны остаться камни по периметру.

– Командир нашёлся, – пробормотал Антон, но возражать не стал. – Ладно, идём, Тимоха, соберём тебе валежник, как в сказке про двенадцать месяцев.

– Через час встречаемся здесь, – сказал Тимофей.

Группа разделилась. Назначенные Романом костровые направились к лесу, где среди деревьев виднелось множество сухих веток. Марина и Ксюша с явной неохотой вошли в здание корпуса. Светлана, Лена и Роман двинулись в сторону старой площадки – туда, где когда-то горел пионерский костёр.

В поисках валежника мужчины углубились в лес, собирая сухие ветки. Тимофей работал молча, время от времени бросая взгляды в сторону корпуса, где мелькала фигура Светланы. В этих взглядах было что-то настораживающее – смесь жадности и затаённой злости.

– Ты что-то задумал, – не спросил, а констатировал Антон.

– С чего ты взял?

– Брось, – Антон сломал толстую ветку о колено. – Я тебя знаю двадцать лет. Этот внезапный сбор старых друзей... Поездка в заброшенный лагерь... Неожиданная ночёвка... Слишком много совпадений.

Тимофей выпрямился, глядя на Светлану. Она наклонилась, собирая что-то с земли. Фигура в джинсах чётко вырисовывалась на фоне серой стены. По его лицу пробежала тень чего-то жадного и собственнического.

– Я не я буду, если не трахну её, – пробормотал он так тихо, что Антон едва расслышал. – Эта сучка всегда строила из себя недотрогу.

– Что? – Антон притворился, что не услышал, хотя в глазах блеснуло любопытство.

Тимофей дёрнул плечом:

– Ничего. Собирай давай. Скоро стемнеет.

И он снова посмотрел в сторону костровой площадки, видневшейся за деревьями. Светлана разговаривала с Романом, что-то горячо объясняя. Даже на расстоянии было заметно, как она раздражённо заправляет выбившиеся волосы за ухо снова и снова.

– Мы все думали, что ты на ней женишься, – вдруг сказал Антон с неприятной пронизательностью. – Сколько себя помню, вы во дворе всегда вместе были. Даже на разные качели не садились.

– Были, – коротко бросил Тимофей, наклоняясь за очередной веткой. – Слишком давно.

– И всё-таки странно, что ты вдруг решил всех собрать, – не отставал Антон. – Особенно после того, что случилось тут в последнюю ночь. С этим парнем... как его звали?

Тимофей резко выпрямился, глаза сузились:

– Заткнись, – процедил он сквозь зубы. – Просто собирай дрова и не лезь, куда не просят.

Антон примирительно поднял руки:

– Эй, расслабься. Я просто спросил.

Но взгляд его продолжал внимательно изучать Тимофея, словно тот был особо интересным экспонатом в коллекции человеческих слабостей.

Тем временем Марина и Ксюша поднялись на второй этаж корпуса, осторожно ступая по скрипящим половицам. Из нескольких палат они выбрали комнату с номером шесть – относительно чистую, с уцелевшими стёклами в одном из окон.

– Только посмотри на это убожество, – Марина морщила нос, разглядывая ржавые каркасы кроватей, покрытые слоем пыли. – И мы должны тут спать?

Ксюша деловито раскладывала спальные мешки:

– Переживём одну ночь. Зато какой материал для «Живого Журнала». «Ночь в заброшенном советском лагере» – это точно соберёт комментарии.

– Ты не изменилась, – хмыкнула Марина, помогая раскатывать мешки. – Всё так же думаешь только о том, как выглядишь со стороны. Помню, как ты часами крутилась перед зеркалом в умывальнике, когда мальчишки из третьего отряда проходили мимо.

– А ты, конечно, была выше этого, – парировала Ксюша. – Просто тебе не надо было стараться, чтобы привлечь внимание. Тебе достаточно было раздвинуть ноги.

Обе замолчали, удивлённые внезапной резкостью. Марина покраснела от злости, но сдержалась:

– Не думала, что ты до сих пор ревнуешь из-за Сашки Петрова. Это было двадцать лет назад, милая.

Ксюша промолчала, с излишней силой растягивая спальный мешок. Потом, глядя в окно, пробормотала себе под нос:

– Ну и курва же ты, строишь из себя пай-девочку, а на деле шлюха.

– Ты о чём? – не поняла Марина.

– Не о чём, – Ксюша мгновенно натянула улыбку. – Просто подумала, что Светка всегда умела произвести впечатление правильной девочки. А сейчас посмотри – успешный юрист, безупречный костюмчик, холодный взгляд. Интересно, помнит ли она, как плакала, сидя на коленях у Тимофея после отбоя?

Марина удивлённо подняла брови:

– Я этого не видела.

– Конечно, не видела, – Ксюша снисходительно улыбнулась. – Ты была слишком занята, строя глазки вожатым.

Напряжение нарастало, но обе держали маски дружелюбия, продолжая обустривать комнату.

На поляне, где когда-то располагалась костровая площадка лагеря, троица внезапно собравшихся старых друзей расчищала землю под огонь. Старое кольцо из камней, почерневших от множества былых костров, проступало сквозь траву. Светлана молча переносила валуны, выстраивая их в плотный круг, Лена собирала щепки и сухую траву, Роман отступал на шаг, проверяя устойчивость конструкции так, словно возводил архитектурный шедевр.

– Ты в порядке? – тихо спросила Лена, подойдя вплотную к Светлане. Голос звучал мягко, заботливо, но в глазах мелькнуло что-то выверенное.

Та степенно остановилась:

– Да, всё нормально. Просто... не привыкла к этому месту. Шумят воспоминания.

– Ты кажешься напряжённой, – Лена легонько коснулась её плеча. – Понимаю: здесь многое осталось неразрешённым.

Роман приблизился:

– Мы все слегка на взводе. Встреча с прошлым всегда выбивает из колеи.

Светлана стряхнула крошки земли с ладоней:

– Я просто не понимаю смысла этой затеи. Зачем возвращаться сюда, чтобы увидеть, как всё запустело?

Лена и Роман обменялись быстрыми взглядами.

– Может, суть не в стенах и камнях, а в нас самих? – тихо сказала Лена. – Посмотреть, как мы изменились. Или не изменились...

– Тимофею, наверное, хотелось собрать нас вместе, – вставил Роман, поправляя очки. Светлана помнила этот жест ещё со школьных лет – он так всегда делал, когда нервничал или скрывал правду. – Мы ведь давно разбрелись кто куда.

– И ты считаешь, что заброшенный пионерлагерь – лучшее место для встречи старых друзей? – Светлана усмехнулась, носком ботинка переворачивая почерневший камень. – Почему не снять банкетный зал или не остановиться на чьей-то даче?

– Тимофей всегда был оригинален, – пожал плечами Роман, отводя взгляд.

– Точно, – тихо подтвердила Лена, и в её голосе Светлана услышала лёгкую дрожь.

Сумерки опустились на лагерь внезапно. Пламя костра вздымалось к чернеющему небу, выхватывая из темноты лица семерых взрослых, которые когда-то были детьми в этих стенах. Языки огня плясали, отбрасывая тени на почерневшие камни площадки, где двадцать лет назад они пели пионерские песни под гитару вожакого. Теперь вместо песен звучал треск прогорающих веток и тихий звон стеклянных бутылок – Тимофей извлёк их из рюкзака с торжествующей улыбкой человека, предусмотревшего всё.

– А я-то думала, ты воду в таком количестве притащил, – хмыкнула Марина. – Хотя стоило догадаться. Ты же всегда был заводилой.

– Предусмотрительность – великая вещь, – Тимофей подмигнул ей, откручивая крышку. – Как говорил наш физрук Петрович: «Кто не подготовился, тот не выполнит норматив».

Роман достал из рюкзака пластиковые стаканчики, расставляя их на плоском камне с таким видом, будто сервировал дорогой коньяк в хрустальные бокалы.

– По пятьдесят для начала? – он вопросительно посмотрел на остальных.

– Нормировщик, – усмехнулся Антон, выхватывая бутылку из рук Тимофея. – Давай сразу по сто, чего мелочиться. Мы же не в офисе.

Лена поёжилась, плотнее закутываясь в куртку:

– Может, стоит начать с малого? Похмелье нам ни к чему.

Тимофей молча разлил водку, игнорируя её слова. Пламя отражалось в жидкости, превращая её в расплавленное золото.

– А помните, как «Красную морошку» называли именно так? – неожиданно спросила Ксения.

– Если не ошибаюсь, это был первый пионерский отряд в этих местах, – ответил Роман. – Основали лагерь ещё при коллективизации.

Тимофей поднял глаза:

– Именно. В начале тридцатых. Первый отряд назывался «Красная морошка» – по ягоде, которая растёт на болотах. Потом их именем и назвали лагерь.

– Какой ты эрудированный, – с нескрываемым сарказмом заметила Светлана. – Готовился к поездке?

Тимофей улыбнулся, но глаза остались холодными:

– Просто хорошая память на детали. А ты что, не помнишь? Нам же вожакий рассказывал историю лагеря в первый же день.

Она попросту промолчала, но действительно помнила – их собрали в столовой, и вожакий Гриша с выцветшим красным галстуком монотонно зачитывал историю пионерского отряда «Красная морошка», героически помогавшего в коллективизации и якобы разоблачившего кулаков-вредителей. Официальная версия звучала как пропагандистская сказка, но в лагере ходили и другие истории – о детях, пропавших в лесу, о странных обрядах на опушке, о криках, доносящихся по ночам.

– За встречу, – произнёс Тимофей, поднимая стаканчик. – Двадцать лет – не срок, когда есть что вспомнить.

Они чокнулись, и Светлана заметила, как каждый на мгновение замер, глядя на огонь, прежде чем выпить.

Марина первая опрокинула стакан, скривилась и потянулась за хлебом, который Ксюша разложила на салфетке:

– Господи, гадость какая. Где ты это взял, Тимоха? В ларьке у вокзала?

– В магазине, как все нормальные люди, – он широко улыбнулся, снова наполняя стаканчики. – Не всем же шампанское с телезвёздами пить.

– Да уж, – Антон сделал глоток и причмокнул с преувеличенным удовольствием. – Вкус детства. Помните, как мы стащили у вожатых портвейн на последней смене?

Светлана заметила, как Тимофей резко глянул на Антона, но тот сделал вид, что не заметил.

– И всю ночь потом блевали за баней, – поморщилась Ксюша, осторожно отпивая из стаканчика.

– Зато какое приключение, – мечтательно произнесла Марина, глядя в огонь. Пламя отражалось в её глазах, делая взгляд странно живым. – Мы тогда ещё Кириюху Янкова напоили. Помните этого рыжего с веснушками? Такой неуклюжий, вечно спотыкался на линейке.

Роман кивнул:

– С нами в отряде был. Картавил и краснел, когда девочки на него смотрели.

– Точно! – Марина оживилась, и её лицо засветилось нездоровым возбуждением. – Боже, как же мы над ним издевались! Помните, как заставили его выпить полстакана, а потом убедили, что он должен объясниться в любви вожатой Ирине?

– И он пошёл, – тихо сказала Лена, не поднимая глаз. – Прямо посреди ночи.

– А она его отшила при всех! – Марина засмеялась, запрокидывая голову. – «Мальчик, ты что, пьяный? А ну марш в постель!» А он стоял такой красный, что веснушки слились в одно пятно!

Антон улыбнулся, но глаза оставались холодными:

– А потом мы убедили его, что он должен искупаться голым в озере, чтобы доказать свою любовь.

– И фотографировали на «Смену», – подхватила Марина, глаза блестели от удовольствия. – Боже, как он плакал, когда мы пообещали показать снимки на линейке!

– Мы не показали, – напомнил Роман, наполняя стакан. – Плёнку засветили. Случайно, – он замялся, – или не совсем.

Светлана сидела молча, наблюдая, как лица друзей меняются в отблесках пламени. Они словно сбрасывали маски взрослых успешных людей, обнажая детскую жестокость, которая с годами не исчезла, а лишь научилась маскироваться.

– А знаете, – Ксюша подалась вперёд, и зрачки расширились в отблесках костра, – я иногда думаю, что с ним стало. Просто исчез после той смены. Как будто его и не было.

– Странно, да? – Марина провела пальцем по краю стаканчика. – Никто его больше не видел. Я даже пыталась найти его пару лет назад – и ничего, будто и не было человека. Как сквозь землю провалился.

Она произнесла это с возмущением, словно сам факт, что Кирилл не появился в её жизни снова, был личным оскорблением.

– Некоторые вещи не забываются, – тихо сказала Светлана, впервые вступая в разговор. – Особенно те, что причиняют боль.

Повисло молчание. Тимофей быстро наполнил стаканчики.

– Между прочим, насчёт незабываемого, – он откашлялся, – вы же помните историю про пионера-героя? Мол, его похоронили в лесу.

– Ах, эта страшилка... – Лена заметно расслабилась. – В каждом сезоне новые подробности.

– Типичная лагерная легенда, – Роман глотнул водки и поморщился. – Почти в каждом советском лагере своя байка про мёртвого пионера.

Воздух застыл. Светлана ощутила, как сердце сжалось.

– Говорили, – сказал Тимофей, глядя в огонь, лицо застывшее, как маска, – что под сосной с раздвоенным стволом лежит мальчишка в красном галстуке, которого кулаки забили до смерти. Вилами. – Он помолчал, поворачивая стаканчик в руках. – Пионерский отряд нашёл тело на рассвете и похоронил с горном и знаменем, поклявшись на могиле отомстить.

– И каждую ночь его призрак бродит по лагерю в поисках предателей, – тихо добавила Ксюша, поёживаясь. – Если найдёт – утащит в могилу.

– Детские ужастики, – Антон закатил глаза, но прижался к огню ближе. – Страшно было до чёртиков даже без привидений.

– Но могила была реальной, – настаивал Тимофей. – Мы её сами видели в последнее лето.

Роман наклонился вперёд, отблески костра заиграли в его очках:

– Это была наша последняя ночь в лагере, восемьдесят второй год. Вожатый Гриша Савин предложил проверить легенду лично.

– Гриша... – Марина зашептала, улыбка растаяла. – Такой спокойный всегда был.

– Именно это и пугало, – прошептала Лена. – Никогда не кричал, даже когда наказывал.

– Странный мужик, – Антон хмыкнул. – Всегда говорил: «Пионер должен быть готов ко всему».

– Ночью он повёл нас в лес, – ровно начал Роман. – Мол, последнее испытание перед вступлением в комсомол.

– Мы гордились, – Ксюша обняла себя за плечи. – Избранные, лучшие.

– Шли через овраг, вверх по тропе. Гриша требовал полной тишины, чтобы не разбудить директора и старших.

– Он обещал показать нам правду о лагере, – добавил Тимофей, глядя в огонь. – Только не всем это доверяли.

– Подвёл нас к сосне с раздвоенным стволом, похожей на силуэт человека, – продолжил Роман. – На нижней ветке висела петля. Я думал, бельё сушили.

Светлана содрогнулась, но промолчала.

– Там и правда была могила, – сдержанно сказал Роман. – Земляной холмик, деревянный обелиск, на нём еле видная красная звезда.

– Гриша рассказал, что под этим деревом похоронен пионер-герой, – тихо произнёс Тимофей, голос дрогнул. – Мальчишка, которого местные кулаки пытали железными вилами, пока он не захлебнулся собственной кровью.

– Его похоронили торжественно, – прошептала Лена, глаза блеснули в отблесках костра. – С пионерским салютом и клятвой отомстить. Гриша говорил, что галстук на могиле каждый год становится ярче от крови предателей.

– Мы стояли кругом, – Марина сжала руки. – А Гриша ходил вокруг, говорил, что настоящий пионер хранит секреты отряда.

– И предательство – смертный грех, – добавил Антон, громко глотнув водки.

Повисла тишина: только треск углей и ночной лес, будто вслушивающийся в их слова.

– Мы просидели там до рассвета, – снова заговорил Роман. – Гриша запретил шевелиться.

Проверка стойкости.

– Интересно, стоит ли ещё та сосна, – внезапно спросил Антон. – И могила под ней.

Светлана резко встала, опрокинув стаканчик:

– Мне нужно... проветриться. Воздуха не хватает.

– Светик, ты в порядке? – встревожился Тимофей, но в глазах плясал огонь.

– Просто устала, – тихо ответила она и тут же потянулась за бутылкой: – Давай ещё по одной? Холодно стало.

Пламя пылало ярче, но никто не возражал. Холод прошлого, вызванного рассказами, скользнул по спинам ледяными пальцами.

Бутылка опустела наполовину, когда Роман вдруг выпрямился. Лицо его, освещённое пляшущими отблесками, приобрело странное выражение. Он снял очки, протёр их краем свитера, надел обратно и обвёл взглядом притихших друзей.

– Я должен кое-что рассказать, – голос его, обычно ровный, звучал глухо. – Спустя много лет я столкнулся с Гришей. Мы вспоминали ту историю с Кириллом.

Стаканчик выпал из рук Марины и покатился по земле. Никто не наклонился поднять. Антон перестал улыбаться, лицо застыло маской. Лена прикрыла рот ладонью. Ксюша принялась рыться в сумке, избегая смотреть на остальных. Тимофей впился взглядом в Романа, пальцы сжались в кулаки так, что побелели костяшки.

Светлана застыла, чувствуя, как немеют кончики пальцев. Имя Кирилла, брошенное в круг света, повисло в воздухе. Двадцать лет они обходили эту тему, словно невидимую могилу, о которой все знали, но никто не смел упомянуть.

– Это было пять лет назад, – продолжил Роман. – В Москве, на Казанском вокзале. Я ждал поезд и вдруг вижу – сидит человек, пьёт кофе из картонного стаканчика. Лицо выглядело старше, но я узнал его сразу. Гриша. Наш вожатый.

– Ты подошёл к нему? – тихо спросил Тимофей.

– Да, – Роман кивнул, глядя в огонь. – Он меня тоже узнал. Сразу. «А, Зельдин, – сказал он, – отличник из четвёртого отряда. Как поживаешь?» Будто мы расстались неделю назад.

– И что дальше? – Лена наклонилась вперёд, глаза лихорадочно блестели.

– Мы разговорились. Сначала ни о чём – работа, погода. А потом... – Роман сделал глубокий вдох. – Он сам заговорил о той ночи. «А помнишь, – спросил он, – как мы проучили предателя?» И улыбнулся. Улыбнулся, понимаете?

Светлана почувствовала, как внутри всё сжимается. «Предатель». Это слово звучало как приговор двадцать лет назад, и сейчас несло тот же ужас.

– Я сначала сделал вид, что не понимаю, о чём он, – голос Романа звучал отстранённо, словно он рассказывал чужую историю. – Но Гриша... он будто видел меня насквозь. «Не строй из себя святого, – сказал он. – Ты там был. Все вы там были. И все помните».

Тишина стала густой. Только треск костра нарушал её. Из леса доносилось уханье совы – протяжное, зловещее.

– Я спросил его прямо, – продолжил Роман, сжимая стаканчик так, что пластик затрещал. – Что случилось с Кириллом после того, как мы... ушли.

– Ты хочешь сказать – сбежали, – медленно произнёс Антон.

Роман молча кивнул.

– Как всё было на самом деле? – Светлана не узнала свой голос – хриплый, надломленный. – Что рассказал тебе Гриша?

– Вы помните, как всё началось. – Это был не вопрос. Роман знал, что они помнят. – Возвращаясь от могилы, мы чуть не столкнулись с директором. Он шёл с фонариком, проверял территорию. Мы бросились врассыпную. Кирилл отстал, запнулся о корень. Директор посветил в его сторону, но не успел разглядеть лицо.

– На следующее утро, – сказал Тимофей, – директор вызвал всех, кроме Кирилла.

Марина продолжила:

– Директор сказал, что знает о «недопустимом поведении» и собирается отправить нас домой. «С позором», как он выразился.

– Помню, – кивнула Ксюша. – Я плакала всю ночь. Думала, мама убьёт меня, если вернусь из лагеря раньше срока с такой характеристикой.

– А потом, – мягко продолжила Лена, голос дрожал, – среди ночи в нашу комнату зашёл Гриша. Шепнул мне и Марине, чтобы мы тихо оделись и вышли через окно. Сказал, что только настоящие пионеры могут исправить ситуацию.

– И мы пошли, – Антон горько усмехнулся. – Семеро идиотов, которые думали, что становятся героями, а на самом деле становились... – он не договорил, но все поняли.

– Гриша повёл нас к могиле пионера-героя, – подхватил Роман. – Помните, как он говорил? «Только кровью можно искупить предательство. Только кровью можно защитить честь отряда».

– Он привёл туда Кирилла, – Тимофей впервые за вечер казался по-настоящему потрясённым. – Я помню его лицо, когда он увидел нас всех у могилы. Такое растерянное. Он даже улыбнулся.

– А потом Гриша... – голос Светланы сорвался. Она помнила, что было дальше, хотя двадцать лет пыталась забыть. – Гриша объявил, что Кирилл – предатель, враг отряда. Что его нужно наказать. И спросил, кто готов.

– И мы все подняли руки, – тихо сказала Лена, глядя на свои ладони. – Все семеро.

– «Разденьте его», – вот что сказал Гриша. – Роман говорил медленно, словно выдавливая из себя каждое слово. – И мы... стянули с него футболку, шорты, трусы. Он сопротивлялся, плакал, умолял. Но нас было семеро, а он один.

– Гриша принёс верёвку, – Антон смотрел в темноту за пределами костра. – Мы привязали его к дереву. К раздвоенной сосне. Руки над головой... Я до сих пор помню, как верёвка врезалась в его запястья.

– А потом начался суд, – Марина закрыла лицо руками. – Гриша раздал нам ивовые прутья. «По одному удару от каждого, – сказал он, – чтобы предатель запомнил цену своего поступка».

Светлана вспомнила, как стояла тогда, сжимая гибкий прут, и как рука, помимо воли, поднялась и опустилась. Звук удара о голую кожу. Крик Кирилла. И собственный ужас от того, что она сделала.

– Мы все нанесли по удару, – голос Романа звучал надтреснуто. – А потом Гриша сказал, что этого мало. Что настоящее наказание только начинается. И он... – Роман сглотнул, – стал бить Кирилла ремнём. Сильно. Безжалостно. А нам приказал считать удары.

– Я досчитала до пятнадцати, – прошептала Ксюша. – А потом перестала. Не могла больше.

– Кирилл кричал, – Тимофей уставился в огонь, глаза пустые. – Сначала громко, потом всё тише. А потом просто всхлипывал.

– Кровь, – вдруг сказала Светлана, и все замолчали. – Его кровь капала на землю. На могилу. Я смотрела на эти капли, тёмные в лунном свете. Они падали, падали... и вдруг...

– Тень, – тихо закончил за неё Роман, голос дрогнул. – Длинная тень упала на могилу. Мы все её видели, но никто не смотрел, откуда она. Словно боялись повернуть головы.

– Она двигалась, – Лена говорила так тихо, что остальным пришлось наклониться. – Не как от ветра. Будто кто-то поднимал руку. Медленно. И на земле – силуэт с пионерским галстуком.

– Я посмотрел, – Антон поёжился, обхватив себя руками. – Только я. Там никого не было, но тень становилась чётче. Темнее. И этот контур... как детская фигура.

– Мы все видели разное, – прошептала Марина. – Я была уверена, что различила лицо. Просто игра лунного света, но тогда...

– И мы побежали, – Тимофей опустил голову. – Все. Как один. Просто повернулись и побежали. Даже не подумали отвязать Кирилла.

– Бросили его там, – Ксюша вцепилась пальцами в рукав куртки. – Голого. Избитого. Привязанного к дереву. Над могилой.

Они замолчали. Костёр потрескивал, выбрасывая искры в ночное небо. Из леса доносился шелест листвы – словно кто-то шёл сквозь заросли, приближаясь.

– Что случилось потом? – наконец спросила Светлана. – Что тебе рассказал Гриша?

Роман поправил очки дрожащей рукой:

– Он сказал, что вернулся на рассвете. Один. Хотел убедиться, что всё... в порядке. – Последние слова он произнёс с отвращением. – Кирилл всё ещё был привязан к дереву. Но не шевелился. Верёвки врезались в тело. А на земле... на могиле... была лужа крови. Гриша сказал, что сначала подумал – это от ран после порки. Но потом увидел...

Роман замолчал, явно не в силах продолжать.

– Что он увидел? – надавил Тимофей, в его голосе звучал какой-то болезненный интерес.

– Кирилл был мёртв, – ответил Роман, не поднимая глаз. Его пальцы сжались в кулаки так, что побелели костяшки. – Мы... мы сами забили его до смерти. Он умер там, на могиле, от наших ударов. От моих ударов.

Пламя костра вдруг осело, словно придавленное тяжестью этих слов. Никто не шевелился, только Лена издала тихий звук, похожий на всхлип.

– Гриша сказал, что запаниковал, – продолжил Роман, его голос звучал глухо. – Отвязал тело, отнёс в лагерь. Разбудил директора. Они вызвали милицию и придумали историю – ночное нападение местных хулиганов. Мол, Кирилл один пошёл купаться и наткнулся на пьяную компанию. А нас... – он провёл ладонью по лицу, – нас на следующее утро быстро отправили по домам. Родителям сказали про вспышку дизентерии. И попросили молчать.

– Вот почему директор так легко простил нас, – прошептал Антон. – Ему нужны были свидетели, которые подтвердят официальную версию. Что никто из лагеря не виноват.

– И мы подтвердили, – Ксюша обхватила себя руками, словно ей вдруг стало холодно. – Все мы.

– Я не верю, – вдруг сказала Лена. – Мы не могли... не до смерти же.

– Ты видела, как он обмяк? – Тимофей смотрел на неё пустыми глазами. – Ты слышала, как затих его плач?

– Но мы были детьми, – возразила Светлана. – Как мы могли...

– Семеро против одного, – перебил Роман. – И Гриша с ремнём. Мы били его долго, Света. Очень долго.

– А что если... – Марина запнулась, её голос дрожал, – что, если это всё-таки могила? Что если мы разбудили что-то, что заставило нас... не останавливаться?

– Чушь, – отрезал Антон, но его рука, державшая стакан, заметно задрожала.

Снова воцарилось молчание. Каждый из них прокручивал в голове слова Романа, сопоставляя их с собственными размытыми воспоминаниями той ночи.

– Что ты сделал, когда Гриша рассказал тебе всё это? – наконец спросила Светлана.

– Ничего, – Роман опустил глаза. – Он посмотрел на часы, допил свой кофе и сказал, что опаздывает на поезд. Просто встал и ушёл. А я... – его пальцы сжались на колене, – я тоже встал. Механически. Словно во сне. Через полчаса я уже сидел в вагоне, уезжая в командировку. Смотрел в окно и попытался все забыть.

– И у тебя получилось? – тихо спросила Лена.

Роман поднял глаза, в них отражалось пламя костра:

– Нет. Ни на один день. Ни на один час. Я думаю, ни у кого бы из нас не получилось.

Никто не возразил. Они сидели в тишине, нарушаемой только потрескиванием огня и далёкими звуками ночного леса. Каждый был погружен в собственные мысли, собственные воспоминания, собственное чувство вины, которое, как оказалось, никуда не делось за двадцать лет.

– Нам нужно вернуться в корпус, – наконец сказал Тимофей, поднимаясь на ноги. – Становится слишком холодно.

Никто не стал спорить. Они молча собрали вещи, затушили костёр, засыпав его землей, и двинулись обратно к зданию корпуса «Пламя». Шли медленно, сохраняя дистанцию друг от друга, словно каждый боялся заразиться чужим страхом.

Корпус встретил их прохладой и запахом сырости. Поднявшись на второй этаж, они вошли в палату номер шесть, которую Марина и Ксюша уже успели подготовить для ночлега – расстелили старые матрасы на таких же старых металлических кроватях с провалившимися панцирными сетками.

Светлана выбрала кровать в дальнем углу, подальше от окна. Поставив рюкзак на пол, она достала фонарик и положила его рядом с собой – тонкая полоска света в темноте помогала справиться с нарастающим чувством тревоги.

– Спокойной ночи, – произнесла Лена, устраиваясь на соседней кровати, но её голос звучал так, словно она сама не верила, что ночь может быть спокойной.

– Чур, не храпеть, – попытался пошутить Антон, но никто даже не улыбнулся.

Они укладывались молча, избегая смотреть друг на друга. Тимофей достал из рюкзака ещё одну бутылку водки, открыл её и сделал большой глоток прямо из горлышка, прежде чем передать Роману. Бутылка пошла по кругу – каждому требовалась доза анестезии перед погружением в темноту, полную воспоминаний.

– Всё будет хорошо, – сказал Тимофей, когда бутылка вернулась к нему полупустой. – Утром мы вернёмся в Москву и забудем обо всём этом.

– Как забыли в прошлый раз? – тихо спросила Светлана, но никто не ответил.

Постепенно комната погрузилась в тишину, нарушаемую только шорохом спальных мешков и тяжёлым дыханием. Лёгкий ветерок проникал через разбитые стёкла окон, шевеля обрывки старых штор. Лунный свет, пробивающийся сквозь облака, отбрасывал на стену причудливые тени, похожие на силуэты людей.

Светлана лежала, глядя в потолок, на котором паутиной расплзались трещины. Сон не шёл. Каждый раз, закрывая глаза, она видела Кирилла – его веснушчатое лицо, искажённое ужасом, его тело, привязанное к сосне, кровь на земле.

На соседней кровати заворочалась Лена, что-то пробормотала во сне. Со стороны Марины доносилось тихое посапывание. Антон спал беспокойно, время от времени вздрагивая всем телом. Роман лежал неподвижно, но его глаза были открыты – Светлана видела, как в них отражается лунный свет.

Она повернулась набок, пытаясь найти удобное положение. Спальный мешок шуршал при каждом движении, ткань казалась жесткой, неестественно холодной. Что-то было не так. Светлана провела рукой по краю мешка – пальцы скользнули по чему-то влажному. Она отдернула руку, поднесла к лицу, но в темноте ничего не разглядела. Только странный металлический запах, который она не могла опознать.

Никто из остальных, казалось, ничего не замечал. Все либо спали, либо были погружены в собственные мысли. А влажное пятно под рукой Светланы, невидимое в темноте, продолжало расплзаться, медленно, неумолимо, словно сочась из самой ткани пространства. Прямо там, где должна была лежать её голова.

Глава 3. Сквозь зеркало

Резкий звук пионерского горна ворвался в сознание Светланы, вспарывая её беспокойный сон. Она вздрогнула, распахнула глаза и замерла – вместо сырой полутьмы заброшенного корпуса «Пламя» комнату заливало утреннее солнце. Аккуратно застеленные кровати, начищенный пол. Воздух, который ещё мгновение назад казался затхлым, пропитанным плесенью, теперь пах свежeweымытым полом, детским мылом и едва уловимо – гладильной доской. Запах пионерского детства.

Волкова резко села в постели. Старые металлические каркасы, которые вчера покрывала ржавчина многолетнего запустения, теперь сияли свежей голубой краской. Провалившиеся панцирные сетки упруго поддерживали новые матрасы в полосатых наволочках. Стены преобразились – мятно-зелёная краска внизу, побелка вверху. Разломанные тумбочки выглядели так, словно их только что доставили со склада.

– Подъём, девчонки! Десять минут на умывание! – раздался звонкий голос.

Она повернула голову и замерла. В дверном проёме стояла женщина лет тридцати – прямая спина, строгий взгляд, русая коса переброшена через плечо. На воротнике белоснежной блузки поблескивал значок с профилем Ленина. В её чертах мелькнуло что-то неуловимо знакомое.

– Светлана, ты оглохла? – острый локоть впился в бок. Девчонка с соседней кровати – худая, с россыпью веснушек и двумя тонкими косичками – смотрела с раздражением. – Шевелись, Ольга Анатольевна уже второй раз заходит. На линейку опоздаем!

Волкова не могла выдать ни звука. Взгляд метался по комнате, отмечая невозможные детали: плакат «Пионер – всем ребятам пример» на стене, красные бумажные звёздочки на нитках, аккуратно сложенную форму на каждой кровати.

Вокруг, словно в сюрреалистическом кошмаре, девочки вскакивали с кроватей, натягивали форму, спешили к умывальникам. Звонкие голоса, смех, обрывки разговоров – всё это создавало невыносимый контраст с гнетущей тишиной заброшенного лагеря, в котором она уснула.

– Я сплю, – прошептала Светлана, сжимая край одеяла. – Это просто сон.

Но одеяло ощущалось слишком реальным – жёсткое, колючее, с характерным запахом советского порошка. И звуки были слишком отчётливыми – плеск воды в умывальниках, девичий смех, скрип половиц под спешащими ногами, постукивание расчёсок по тумбочкам. И солнечный свет сквозь чистые стёкла с белыми занавесками был слишком ярким.

– Дурацкий сон, – она ущипнула себя за руку, ожидая проснуться в шестой палате среди друзей. Но боль оказалась настоящей – кожа побелела под пальцами, потом покраснела.

– Светка, ты чего сама с собой разговариваешь? – девочка с косичками смотрела с недоумением. – Тебе плохо? Может, к медсестре?

– Я... нет, не надо. Мне приснилось... странное.

– Ну, тогда вставай, а то опоздаем!

Девочка убежала. Светлана осталась сидеть, чувствуя, как паника поднимается изнутри, сжимая горло. Что происходит? Почему её окружают дети? Почему всё выглядит так, словно она перенеслась на двадцать лет назад?

Она опустила взгляд на свои руки – взрослые руки с тонкими пальцами, маникюром и едва заметными морщинками. Не детские. Значит, она не превратилась в ребёнка. Но тогда почему эти девочки разговаривают с ней как со сверстницей?

Возможно, решила Светлана, у неё просто реалистичная галлюцинация. Может быть, она надышалась плесенью в старом здании. Или это коллективное внушение – вчера они так много говорили о прошлом, что её мозг решил воссоздать его во всех деталях.

– Света, ты чего тормозишь? – обернулась другая девочка, уже почти одетая. – Галстук где? Сейчас же Ольга Анатольевна придёт проверять!

Женщина механически встала. Под ногами скрипнули половицы – крепкие, недавно покрашенные. Она сделала несколько неуверенных шагов к стене, где висело большое прямоугольное зеркало в простой деревянной раме.

Затаив дыхание, посмотрела на своё отражение – и едва не закричала.

Из зеркала на неё смотрела она сама – тридцатидвухлетняя женщина с коротким деловым каре, тонкими морщинками в уголках глаз и чётко очерченными скулами. Не двенадцатилетняя девочка. Но одета она была в простую хлопковую пижаму – точно такую же, какую носила в детстве. И стояла посреди комнаты, полной девочек, которые, судя по всему, не замечали ничего странного.

– Что за чертовщина? – прошептала Светлана, прикасаясь к лицу в отражении. Оно было тёплым, настоящим. Не маска. Не иллюзия.

– Света, ты что, зависла? – девочка с косичками снова возникла рядом. – Почему ты до сих пор не одета? Смотри, что на кровати лежит!

Светлана повернулась и увидела аккуратно сложенную пионерскую форму – короткую юбку в складку, белую рубашку с коротким рукавом и красный галстук, свёрнутый трубочкой.

– Это... моё? – голос дрогнул.

– Ну а чьё же ещё? Вчера же сама гладила. Ты что, с утра дурочку включила?

Светлана взяла в руки белую рубашку. Ткань была свежей, накрахмаленной, без единого пятнышка – не то что заношенные до дыр вещи из её настоящих детских воспоминаний. Юбка оказалась слишком короткой для взрослой женщины – едва прикрывала колени. А галстук – красный треугольник ткани, символ принадлежности к пионерии, к эпохе, которую Светлана давно похоронила в памяти.

– Я не могу это надеть, – пробормотала Светлана, откладывая форму.

– Чего? – девочка уставилась на неё. – Почему?

– Мне нездоровится. Скажи воспитателю, что я приду позже.

– Сама скажешь! – фыркнула девочка. – Думаешь, я крайней буду? Но учти, Ольга Анатольевна тебя прибьёт. Сегодня важный день – комиссия из райкома едет!

Девочка убежала, оставив Светлану наедине с пионерской формой. Комната почти опустела – большинство девочек ушли на линейку, оставив запах дешёвого одеколona «Саша» и влажных полотенец.

Светлана снова подошла к зеркалу. Взрослое лицо выглядело неуместно на фоне детской спальни. Она провела рукой по волосам, попыталась улыбнуться отражению, но губы только дёрнулись.

– Соберись, – шепнула она. – Это либо сон, либо галлюцинация.

Но все ощущения были слишком реальными. Такое не приснится.

За окном раздался горн – началась утренняя линейка. Светлана подошла к окну. На площадке выстроились ровные шеренги пионеров – мальчики и девочки в белых рубашках и красных галстуках, с серьёзными лицами. Во главе каждого отряда – вожатые с красными флажками. В центре – высокий флагшток, на котором поднимали красный флаг.

Сердце замерло, когда она разглядела человека, руководившего церемонией. Высокий, с короткой стрижкой и строгим лицом – вожатый Гриша. Который повёл их к могиле пионера в ту ночь. Который приказал им бить Кирилла.

Светлана отшатнулась от окна, чувствуя подступающую тошноту. Слишком реально. Слишком детально для галлюцинации. Как она могла перенестись на двадцать лет назад, в место, с которого всё началось?

Она схватила форму и замерла. Паника душила, но руки сами потянулись к блузке. Ткань скользнула по коже, пуговицы послушно вошли в петли. Юбка, которая должна была едва при-

крывать бёдра взрослой женщины, легла точно по фигуре, словно сшитая на заказ. Светлана устала на свои ноги в белых гольфах – детская одежда сидела идеально, вопреки всем законам физики. Она не стала задумываться – выскочила в коридор.

Коридор был пуст. Стены свежеекрашены, полы натёрты мастикой до блеска. Стенгазеты, плакаты с призывами к пионерскому долгу, расписания кружков. Всё – как в её детстве, только без налёта ностальгии. Ярко, пугающе настоящее.

– Светка! – раздался шёпот из-за угла. – Сюда, быстро!

Она обернулась. Из двери туалета выглядывала Лена Вязова – не двенадцатилетняя девочка, а взрослая женщина с тем же испуганным выражением лица, с которым заснула вчера в заброшенном корпусе.

– Лена! – Светлана бросилась к ней, чувствуя облегчение. – Ты тоже?..

– Да, – Вязова затащила её в туалет и прикрыла дверь. – Проснулась от горна, а вокруг... это. Что происходит?

На Лене была пионерская форма – белая рубашка и юбка в складку, которая так же невозможно легла по взрослой фигуре. Красный галстук свисал с шеи, криво повязанный.

– Не знаю, – Светлана прислонилась к холодной стене. – Я думала, что сошла с ума. Или что это сон. Но ты настоящая?

Лена ущипнула её за плечо – довольно болезненно:

– А ты?

– Кажется, да, – Светлана потёрла плечо. – Но как это возможно? Мы действительно перенеслись в прошлое?

– Похоже на то, – Лена заправила прядь за ухо. – Я слышала, как девочки говорили про дату. Восемьдесят второй. Середина июля. Вторая смена – та, что закончится досрочно после ночного происшествия у могилы.

По спине пробежал холодок.

– Та смена, – прошептала Светлана. – Та ночь.

– Да, – Лена кивнула, глаза расширились. – Ночь у могилы. Когда мы... когда Кирилл...

Она не договорила. Светлане и не нужно было объяснений. Они обе помнили, что произошло. И если они действительно оказались в прошлом, значит...

– Мы можем изменить это, – сказала Светлана. – Не пойти к могиле. Предотвратить смерть Кирилла.

– Если это реально, – Лена обхватила себя руками. – Если мы в прошлом, а не в коллективном сне.

– Даже если это сон, – юристка сжала кулаки, – я не допущу, чтобы всё повторилось.

Лена смотрела на неё долгим взглядом:

– Ты думаешь, мы одни такие? Или остальные тоже взрослые?

– Не знаю. Но мы должны это выяснить. Быстро. Если это тот день, времени мало.

За окном снова раздался горн – сигнал окончания линейки. Скоро коридоры наполнятся детьми.

– Что будем делать? – спросила Лена.

– Искать остальных, – твёрдо сказала Светлана. – Тимофей, Антон, Роман, Марина, Ксюша... если мы здесь, они тоже должны быть где-то рядом.

– А если не разберёмся? – Лена теребила край галстука. – Что, если мы застряли тут навсегда?

Светлана не нашла, что ответить. Перспектива навсегда остаться в своём самом страшном воспоминании была слишком ужасной.

– Нужно действовать, – сказала она наконец. – Шаг за шагом. Сначала найти остальных.

Из коридора послышался шум – дети возвращались с линейки. Лена и Света переглянулись.

Коридор наполнялся звонкими голосами и топотом ног. Они вышли из туалета, стараясь держаться естественно, хотя каждое движение казалось неловким. Светлана машинально одёргивала юбку, пока они быстрым шагом направлялись к мужской четвертой палате. Она помнила расположение комнат – двадцать лет назад это знание было таким же естественным, как дыхание.

Дети, снующие вокруг, не замечали ничего странного. Мальчишки проносились мимо, толкаясь и пихаясь, девочки собирались группками, шушукаясь. Никто не обращал внимания на взрослых женщин в детской одежде.

– Они нас не видят, – шепнула Лена. – Смотри, никто даже глазом не моргает.

– Для них мы выгядим как обычные девочки, – ответила Светлана, уворачиваясь от стайки пробегающих малышей. – Но друг друга мы видим настоящими.

Они остановились перед дверью с табличкой «4» и маленькой красной звёздочкой. Из-за двери доносились приглушённые голоса, смех и звук захлопывающихся шкафчиков. Светлана глубоко вдохнула и толкнула дверь.

Палата мальчиков встретила их запахом влажных полотенец и хозяйственного мыла. Два ряда железных кроватей с продавленными матрасами стояли вдоль стен, застеленные с механической аккуратностью, которую вырабатывают только в пионерлагерях. Тумбочки между кроватями – обшарпанные, с облупившейся краской – были плотно закрыты. Распахнутые окна впускали утренний воздух, пахнувший соснами и далёкой столовской кашей.

Мальчишки сновали по комнате – кто-то завязывал шнурки, кто-то возился с непослушным галстуком, кто-то прыгал с кровати на кровать.

И посреди этого хаоса Светлана увидела их – трёх взрослых мужчин в пионерской форме. Тимофей стоял у стены, изучая график дежурств. Его широкие плечи и взрослая осанка странно контрастировали с детской одеждой, которая, как и на Светлане, невозможным образом сидела точно по фигуре. Роман нервно выглядывал в окно, барабанил пальцами по подоконнику. Антон сидел на кровати в окружении мальчишек и что-то рассказывал, активно жестикулируя. Дети смеялись, не замечая ни морщин вокруг глаз, ни щетины на подбородке.

– Господи, – выдохнула Лена, – они тоже.

Тимофей обернулся и на мгновение застыл. В его глазах промелькнуло узнавание. Он огляделся и едва заметно кивнул.

Роман резко повернулся от окна, провёл рукой по волосам и что-то сказал Антону. Тот прервал рассказ, взглянул на вошедших, и его лицо растянулось в привычной усмешке, но глаза оставались настороженными.

– Ребята, я сейчас вернусь, – Антон похлопал одного из мальчишек по плечу. – Только с девчонками перетру кое-что.

Мальчишки зашушукались, кто-то издал протяжное «у-у-у». Антон, Роман и Тимофей подошли к Светлане и Лене, сохраняя непринуждённые выражения лиц.

– Давайте выйдем, – тихо сказал Тимофей. – Здесь слишком много ушей.

Они отошли к окну в конце коридора, где было меньше детей. Со стороны – просто группа пионеров обсуждает свои дела.

– Вы тоже проснулись... такими? – Светлана обвела жестом их фигуры.

– Тридцатилетними мужиками в пионерских шортах? – Антон нервно хмыкнул. – Да. И никто вокруг не замечает этого маленького несоответствия.

– Думаешь, коллективная галлюцинация? – спросил Роман, оглядываясь. – Надышались плесенью в заброшенном корпусе?

– Если галлюцинация, то невероятно детальная, – Тимофей говорил тихо, но уверенно. – Я проснулся от горна в комнате, полной мальчишек. Они вели себя так, будто я один из них. Проверил дату – пятнадцатое июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года.

Светлана и Лена переглянулись.

– Это за два дня до той ночи, – прошептала Лена.

Никому не нужно было уточнять.

– А Марина и Ксюша? – спросила Светлана.

– Должны быть здесь, – кивнул Тимофей. – Нужно проверить столовую, сейчас время завтрака.

– А что потом? – Роман провёл рукой по волосам. – Что мы будем делать, если это всё реально?

Вопрос повис в воздухе. Идея о том, что они перенеслись в прошлое, была слишком абсурдной, чтобы принять, и слишком реальной, чтобы отвергнуть.

– Сначала найти всех, – сказала Светлана. – Потом решим.

Они спустились вниз и направились к столовой в отдельном здании на территории лагеря. По дороге прошли мимо площади для линейек, где несколько детей убирали флаги и барабаны. Вдалеке виднелось административное здание с портретом Ленина на фасаде.

Столовая представляла собой большой зал с длинными рядами столов, накрытых клеёнкой в красную клетку. У входа стояли дежурные с повязками на рукавах. Воздух был пропитан запахами подгоревшей манной каши, компота из сухофруктов и свежего хлеба. Звон алюминиевых ложек о миски создавал металлический звон, который Светлана помнила из детства.

Они вошли и направились к свободным местам. Женщина машинально одёрнула юбку, усаживаясь на скрипучую лавку. Дежурные в белых фартуках сновали между рядами, разнося миски с кашей и стаканы с компотом. Полная девочка с тугой косой поставила перед Светланой тарелку – в центре манной каши таяло жёлтое озерко масла.

– Ешь быстрее, – шепнула дежурная. – Ты сегодня бледная. А после завтрака репетиция к смотрю строя.

Волкова кивнула, чувствуя, как абсурдность ситуации подкатывает к горлу нервным смехом. Тридцатидвухлетний юрист сидит за столом пионерлагеря, где девочка-пятиклассница указывает ей, как себя вести.

Они оглядывали зал, пытаясь высмотреть Марину и Ксюшу среди десятков детских лиц. За соседними столами ели, болтали, смеялись, кто-то незаметно перекладывал кашу в чужую тарелку, кто-то прятал хлеб в карман.

Роман заметил их первым. За столом у окна сидели две женщины среди девочек. Марина с ярко-рыжими волосами, собранными в высокий хвост, активно жестикулировала, рассказывая что-то смешное. Ксюша сидела рядом, отстранённо постукивая ложкой по краю тарелки с нетронутой кашей. Лицо выражало холодное безразличие.

– Вон они, – Роман кивнул в их сторону.

Они подошли к столу. Марина подняла голову, и глаза расширились от удивления. Она толкнула локтем Ксюшу, которая вздрогнула и тоже посмотрела на них. На её лице промелькнул ужас, быстро сменившийся показной невозмутимостью.

– Привет, – Светлана улыбнулась. – Можно к вам?

– Конечно, – Марина подвинулась и добавила тихо: – Слава богу, вы тоже здесь. Я думала, что сошла с ума.

– Тихо, – шепнула Ксюша, глядя на любопытных девочек. – Нас слушают.

Они ели молча, обмениваясь взглядами. Когда завтрак подходил к концу, Тимофей наклонился к центру стола:

– Встречаемся через двадцать минут в беседке за «Пламенем». Помните, там, где шиповник?

Все кивнули. Они помнили эту беседку – укромное место, где когда-то курили тайком от вожатых. Никто из малышей туда не совался из-за колючих кустов.

После завтрака разошлись, договорившись не ходить группой. Света и Лена отправились первыми, сделав вид, что идут к умывальникам. Тимофей, Роман и Антон задержались, помогая дежурным собирать посуду. Марина и Ксюша ушли последними, каждая в одиночестве.

Беседка представляла собой небольшую шестиугольную конструкцию из потемневшего дерева. Крыша, когда-то красная, выцвела до бледно-розового. Внутри – скамейки по периметру, в центре круглый стол, изрезанный инициалами и сердечками. Вокруг разрослись кусты шиповника, усыпанные розовыми цветами.

Светлана и Лена пришли первыми. Пришлось протискиваться между колючими ветками, которые цеплялись за одежду и царапали руки. Внутри было прохладно и тихо – только шум ветра в соснах и далёкие голоса детей.

Постепенно подтянулись остальные. Последним – Тимофей, оглядевшийся по сторонам, прежде чем нырнуть в заросли. Когда все семеро собрались, наступила тишина. Они смотрели друг на друга – взрослые люди в детской одежде.

– Ну что, – нарушил молчание Тимофей, – допустим, это реальность. Пятнадцатое июля восемьдесят второго. Через два дня Гриша поведёт нас к могиле.

– И мы можем это изменить, – подхватила Светлана. – Не пойти. Или пойти, но не дать случиться тому, что случилось.

– Вопрос – как, – Роман нервно постукивал пальцами по столу. – Мы не можем просто отказаться. Гриша был... убедительным. А мы – дети. То есть выглядим как дети.

– Можно предупредить Кирилла, – предложила Лена. – Сказать ему, чтобы не ходил.

– И что мы ему скажем? – Ксюша скрестила руки на груди. – «Не ходи к могиле, потому что мы прилетели из будущего и знаем, что тебя там убьют»?

– Можно придумать что-то другое, – не сдавалась Лена. – Сказать, что слышали, как Гриша что-то замышляет. Или что там опасно.

– Он не поверит, – покачал головой Антон. – Кирилл боготворил Гришу. Помните? Ходил за ним хвостом.

Марина нервно поправила волосы:

– Я думаю, нужно подыграть происходящему, – Марина понизила голос. – Мы знаем, что будет дальше. Может, мы здесь именно для того, чтобы не допустить этого?

– Это наказание, – сказала Ксюша. Голос звучал холодно и отстранённо. – За Кирилла. Кто-то решил, что мы должны пережить всё заново. Почувствовать, что значит быть беспомощным.

Тишина, последовавшая за её словами, была тяжёлой.

– Отлично, – Антон нервно усмехнулся. – Я всегда мечтал снова пожить в совке. Может, ещё и в Артек попадём?

Никто не улыбнулся.

– Давайте не менять ход событий сразу, – сказала Светлана. – Нам нужно понять правила. Что произойдёт, если мы попытаемся уйти из лагеря? Что случится, если расскажем кому-то правду?

– А если мы сделаем что-то не так и застрянем здесь навсегда? – спросил Роман.

– У тебя есть идея получше? Мы не знаем правил. Но знаем, что должно случиться в ближайшие дни.

– Или просто не пойти к могиле, – тихо добавила Лена.

– И что тогда? – Тимофей посмотрел на неё. – Останемся в восемьдесят втором году навсегда?

– Не худший вариант, – заметила Марина. – У меня было бы время не совершать некоторые ошибки.

– И как ты собираешься жить? – Антон покачал головой. – Пойдёшь в пятый класс?

Беседка погрузилась в молчание. За стенами слышались голоса детей, игравших в лапту. Обычный день в пионерском лагере.

Хруст веток и приближающиеся шаги заставили всех застыть. Кто-то шёл к беседке – уверенно, размеренно. Тимофей оборвал речь на полуслове, Роман сглотнул, Антон перестал улыбаться, Марина одёрнула юбку.

В проёме, раздвинув колючие ветви шиповника, появился вожатый Гриша Савин.

Он выглядел так, как помнила Светлана – подтянутый, широкоплечий, лет двадцати пяти, с коротко стриженными волосами и пронзительным взглядом. Красный галстук туго затянут на шее. В руке потрёпанный блокнот, которым он методично постукивал по ладони.

– Так-так, – протянул он с холодной улыбкой. Голос чуть хриловатый, негромкий. – Почему пионеры отряда не на уборке территории?

Никто не проронил ни слова. Семеро взрослых смотрели на человека, которого каждый мысленно похоронил двадцать лет назад. Светлана чувствовала, как по спине бежит холодок – тот самый детский страх перед Гришей, когда он заставлял её стоять перед отрядом и отчитываться о выполнении поручения. Сейчас, будучи взрослой, она всё равно ощущала этот иррациональный страх.

Лена едва заметно дрожала. Тимофей выпрямился, встречая взгляд с вызовом, но его уверенность выглядела натянутой. Антон постукивал ногой по полу. Роман отступил на полшага. Марина и Ксюша переглянулись.

– Я... мы... – начала Светлана, но Гриша поднял руку.

– Объяснения потом. Всем вернуться к работе. Немедленно.

Он окинул их внимательным взглядом, словно выискивая что-то. На мгновение Волковой показалось, что он видит сквозь их маскировку.

Но Гриша посмотрел на часы и нахмурился:

– Через пятнадцать минут построение. Чтобы все были на площадке.

Они молча поднялись. Гриша посторонился, пропуская их, но, когда мимо проходила Светлана, он коснулся её локтя. Она вздрогнула.

– Волкова, задержись, – сказал он, когда остальные вышли. – Есть разговор.

Сердце забилось так сильно, что казалось, он должен слышать этот стук. Пионерка замерла, глядя на него снизу вверх.

– Ты в порядке? – спросил Гриша, и в голосе мелькнуло что-то похожее на искреннюю заботу. – Выглядишь бледной.

– Я просто плохо спала, – выдавила Светлана.

Гриша смотрел на неё несколько секунд, затем кивнул:

– Хорошо. Но если что – обращайся. Ты одна из самых ответственных в отряде.

Его взгляд изменился, стал холоднее:

– И ещё, Волкова. Я знаю, что вы что-то замышляете. Ничего противозаконного, надеюсь?

Светлана покачала головой.

– Вот и хорошо, – Гриша улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. – Иди. Не опаздывай на построение.

Она выскочила из беседки, чувствуя облегчение и одновременно тревогу. Что-то в глазах Гриши заставляло думать, что он знает больше, чем показывает. Или это её воображение?

Остальные ждали у корпуса, нервно переминаясь.

– Что он хотел? – тихо спросил Тимофей.

– Ничего особенного. Спросил, не больна ли я.

– Нам нужно быть осторожнее, – прошептала Лена. – Если будем часто собираться вместе, это привлечёт внимание.

– Давайте следовать распорядку, – предложил Роман. – Вести себя как обычные пионеры. Вечером соберёмся.

Раздался сигнал горна.

День тянулся странно – знакомый до боли и совершенно чужой. После уборки территории Светлана сидела на скамейке, ощупывая свежую мозоль на ладони – прозрачный пузырь, набухший от часа работы с граблями. Пахло нагретой сосновой корой и влажной землёй. Антон рядом разминал запястья, морщась.

– Я забыл, насколько это выматывает, – пробормотал он. – В тридцать лет я давно отвык от такой работы. Час с граблями – и руки трясутся.

Тимофей подошёл с тремя стаканами компота.

– Мы все отвыкли, – тихо сказала Светлана, принимая стакан.

Она согнула и разогнула пальцы, ощущая знакомую скованность в суставах – тридцатилетнее тело отзывалось привычной болью. Поясница ныла после часа работы, колено отдавало тупой пульсацией – память о падении на лыжах три года назад. Волкова поймала на себе взгляд вожатой – та смотрела на неё как на обычную двенадцатилетнюю, не замечая ни морщинки между бровей, ни усталой осанки взрослой женщины.

Обед был точно таким, каким она его помнила – шумным, торопливым, с металлическим звоном ложек о миски. Пахло подгоревшей капустой и компотом. Дежурные разносили супы и второе, командовали, кому за какой стол. Светлана механически ела серые щи и думала о том, как странно быть взрослой, запертой в этом застывшем мире детства.

После обеда – тихий час. Два часа принудительного отдыха, которые в детстве казались бесконечной пыткой. Сейчас женщина была благодарна за возможность полежать в тишине. В палате было душно. Девочки шептались, хихикали, перебрасывались записками – обычная жизнь шла своим чередом.

Вечером Светлана сидела на скамейке у волейбольной площадки, наблюдая, как Тимофей играет с мальчишками в мяч. Несмотря на взрослое сознание, его движения были по-детски резкими и неточными.

Лена под села к ней, протянув стакан компота:

– Держи. Горло промочишь.

– Спасибо, – Светлана сделала глоток. – Как ты?

– Как в кошмарном сне, – Лена слабо улыбнулась. – Девчонки в палате обсуждают, кто из мальчишек красивее – Серёжа из третьего отряда или Паша из четвёртого. А я сижу и думаю, что по нашим законам уже считалась бы педофилкой за один взгляд в их сторону.

Светлана невольно рассмеялась – тихо, чтобы не привлекать внимания.

– Я поговорила с Ксюшей, – продолжила Лена, посерьёзнев. – Она рассмеялась, когда я намекнула, что мы могли бы предотвратить... то, что случится.

– Что она сказала?

– «Пусть всё идёт своим чередом. Может, рыжему и повезёт в этот раз». И улыбнулась так холодно. Как будто ей всё равно.

Светлана почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она сжала стакан так, что костяшки побелели.

– Знаешь, – сказала она наконец, – меня пугает не то, что может случиться, если мы вмешаемся. Меня пугает то, что мы можем просто сидеть и смотреть, как это повторяется. Как будто мы ничему не научились.

Лена открыла рот, чтобы возразить, но раздался звук горна – сигнал к ужину.

После ужина, когда над лагерем легли первые сумерки, Гриша собрал семерых друзей и Кирилла Янкова. Он отвёл их к обочине лесной тропинки, недалеко от корпуса «Пламя», подальше от остальных пионеров.

Гриша встал перед ними, высокий и неподвижный. Подбородок приподнят, брови сведены, взгляд командира перед важной операцией.

– Ребят, – тихо начал он, – сегодня особенная ночь. Ночь, когда настоящие герои проверяют себя на храбрость.

Дети переглянулись. Гриша поднял руку и продолжил шёпотом:

– Я выбрал вас, самых смелых. Сегодня ночью мы отправимся к могиле пионера-героя. Никто не должен узнать.

Светлана похолодела. Легенда о могиле под раздвоенной сосной жила в их страшилках, но никогда не воспринималась всерьёз.

– Сбор у флагштока в полночь, – скомандовал Гриша.

Ребята кивнули. Зашептались, обменялись взглядами – кому-то было любопытно, кто-то боялся.

Светлана стояла чуть в стороне. Она видела, как в глазах Кирилла загорается решимость. Рыжий мальчик с веснушками нервно переминался, словно хотел доказать, что не трус.

Гриша подошёл к нему и положил руку на плечо. Жест выглядел заботливым, но Светлана почувствовала холодок – как будто хищник отметил жертву. Она знала: это больше, чем игра. И времени на раздумья не осталось.

Глава 4. Могила погибшего пионера

Когда стемнело, пионерлагерь «Красная морошка» погрузился в тишину, которую изредка нарушали шелест листьев и ритмичный стрёкот сверчков. Полная луна освещала территорию, и знакомые днём постройки выглядели иначе – отчуждённо, непривычно. Светлана стояла у крыльца корпуса, прислушиваясь к ночным звукам. Тревога нарастала. Эта ночь, двадцать лет преследовавшая её в кошмарах, теперь стала реальностью – и у неё был шанс всё изменить.

Часы показывали без пяти полночь. Девочки в палате давно спали, укутавшись в жёсткие лагерные одеяла, не подозревая о тайном сборе. Светлана осторожно спустилась по скрипучим ступенькам, ступая на самые края, где доски были прибиты крепче. Память хранила все эти маленькие хитрости – как передвигаться бесшумно по лагерю после отбоя.

В тени лип у главной аллеи уже виднелись силуэты. Тимофей переминался с ноги на ногу, а его широкие плечи странно смотрелись в пионерской форме, которая сидела безупречно, словно сшитая по мерке – и от этого несоответствие взрослого тела и детской одежды казалось ещё более неправильным.

Рядом стоял Роман и потирал переносицу – лунный свет отражался в его усталых глазах. Чуть поодаль – Лена, кутающаяся в тонкую кофту, её светлые волосы казались почти серебряными. Марина и Ксюша перешёптывались, хихикая. Их взрослые голоса странно диссонировали с пионерскими галстуками на шеях тридцатилетних женщин. Антон, прислонившись к стволу дерева, ковырял носком землю, на лице застыла привычная полуухмылка.

И поодаль ото всех – Кирилл Янков. Рыжие вихры казались почти бурными в темноте, худощавая фигура ссутулилась, словно в попытке стать незаметнее. Пальцы нервно теребили узел галстука, то затягивая его туже, то ослабляя. Он поминутно оглядывался, будто ожидая подвоха, издёвки, которая неизбежно последует.

Светлана почувствовала, как сердце сжимается. Двадцать лет назад она не замечала его страха, его одиночества. Тогда Кирилл был просто странным, неуклюжим мальчишкой, над которым забавно было подшучивать. Теперь, с высоты взрослого опыта, она видела ребёнка, загнанного в угол жизнью раньше, чем он научился защищаться.

Тихие шаги на мягкой траве заставили всех повернуться. Из тени административного корпуса вышел Гриша Савин – высокий, подтянутый, с идеально повязанным галстуком, в отутюженной форме, словно только что с торжественной линейки. Лунный свет придавал его лицу странное выражение: глубоко посаженные глаза казались тёмными впадинами, скулы резко очерчивались, а на губах играла едва заметная улыбка, от которой у Светланы по спине пробежал холодок.

– Все на месте, – тихо произнёс Гриша, окидывая группу оценивающим взглядом. – Хорошо.

Он подошёл ближе, и дети инстинктивно сбились в кружок. Даже Кирилл приблизился, хоть и держался чуть поодаль.

– Сегодня особенная ночь, – голос Гриши звучал тихо, но каждое слово казалось отчётливым, словно вырезанным из тишины. – Ночь, когда проверяется настоящая верность пионерским идеалам. Ночь, когда вы докажете, что достойны стать комсомольцами.

Светлана заметила, как Тимофей едва заметно дёрнул уголком рта. Для них, взрослых из другого времени, где не было уже ни пионеров, ни комсомольцев, эти слова звучали почти комично. Но двадцать лет назад они принимали их всерьёз – как военную миссию.

– Вы избраны, – продолжал Гриша, его взгляд скользил по лицам, словно считывая страхи и надежды. – Лучшие из лучших. Самые дисциплинированные, самые верные, самые сильные духом. То, что вы увидите сегодня, – не для слабаков. То, что узнаете, – не для предателей.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть, затем наклонился ближе и заговорил ещё тише, так что всем пришлось подступить на полшага:

– Мы пойдём к могиле пионера-героя. Того, о котором ходят легенды по лагерю. Вы увидите место, где похоронен мальчик, отдавший жизнь за советскую власть. И там, на его могиле, вы принесёте клятву верности – мне и друг другу.

В ночной тишине слова прозвучали зловеще. Светлана посмотрела на лица друзей – взрослых людей, которых окружающие почему-то воспринимали как детей. Роман сглотнул и отвёл взгляд. Лена обхватила себя руками, словно от внезапного холода. Тимофей стоял неподвижно, но в глазах мелькнуло что-то жёсткое. Марина и Ксюша продолжали хихикать, хотя теперь их смех казался фальшивым. Антон усмехнулся, но взгляд стал напряжённым.

А Кирилл смотрел на вожатого широко раскрытыми глазами, в которых читалось то ли восхищение, то ли страх. Рот приоткрыт, дыхание участилось, руки сжались в кулаки до белизны в костяшках. В нём было что-то трогательное – маленький мальчик, жаждущий признания, готовый на всё, чтобы его приняли, чтобы стать «своим».

– За мной, – скомандовал Гриша, резко развернувшись. – Идём цепочкой. Без разговоров. Без шума. Если увидите свет фонарика – сразу ложитесь на землю. Директор иногда обходит территорию даже ночью.

Они двинулись за ним, как послушные солдатики, один за другим. Гриша шёл первым, выбирая дорогу между корпусами так, чтобы оставаться в тени. За ним – Тимофей, Роман, Антон, Марина и Ксюша, Лена. Светлана и Кирилл замыкали шествие – она намеренно держалась рядом с мальчиком, зная, что ждёт его этой ночью.

Лагерь остался позади. Тропа сузилась, извиваясь между высокими соснами, которые словно смыкались над головами, почти скрывая небо. Лишь изредка сквозь густые ветви пробивался луч лунного света, создавая на земле причудливые пятна. Воздух здесь был иным – насыщенным хвоей, свежим, чуть влажным. И тихим: слышно было только дыхание и хруст веток под ногами.

Светлана искоса посмотрела на идущего рядом мальчика. Кирилл шагал, опустив голову, нервно поглядывая по сторонам, вздрагивая от каждого шороха. Рыжие волосы в темноте казались просто тёмным пятном, но россыпь веснушек на бледном лице была заметна даже сейчас, при слабом свете, пробивающемся сквозь кроны.

– Ты боишься? – тихо спросила она, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно.

Кирилл вздрогнул, словно забыл, что не один.

– Н-нет, – пробормотал он, но рука снова непроизвольно потянулась к узлу галстука. – Почему я должен бояться?

– Ну, мы идём в лес ночью, к какой-то таинственной могиле, – Светлана пожала плечами с наигранной беззаботностью. – Мне вот немного жутковато.

Кирилл искоса глянул на неё с подозрением, словно пытаясь понять, не издевается ли она.

– Я не боюсь, – повторил он уже твёрже. – Меня Гриша выбрал, значит, я должен быть сильным.

– Конечно, – кивнула Светлана. – Он же сказал – только самых лучших.

Кирилл снова посмотрел на неё, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на недоверчивую благодарность. Он явно не привык к тому, что кто-то считает его «одним из лучших».

Они шли молча ещё несколько минут. Тропа становилась всё уже, всё темнее. Впереди шёпотом переговаривались Марина и Ксюша: их приглушённые голоса и сдавленное хихиканье казались неуместными в ночной тиши. Несколько раз они оборачивались, бросая взгляды в сторону Кирилла, и Светлана заметила, как мальчик каждый раз напрягался, словно ожидая удара.

– Мне кажется, ты очень храбрый, – сказала она, нарушая молчание. – Я бы испугалась идти сюда одна.

– Я не один, – заметил Кирилл, но по его тону Светлана поняла, что он имел в виду совсем другое: он всегда один, даже среди людей.

– Знаешь, – она решила рискнуть, – я видела, как ты помог малышу из тринадцатого отряда вчера на спортплощадке. Когда он упал и разбил коленку. Никто даже не заметил, а ты подошёл.

Кирилл замер на мгновение, удивлённо глядя на неё.

– Ты видела? – в его голосе слышалось недоумение. – Я думал... никто не смотрел.

– Я смотрела, – просто ответила Светлана. – Это было очень по-пионерски – помогать младшим. Настоящий поступок.

Кирилл опустил голову, но даже в темноте было видно, как краснеют его уши. Он пробормотал что-то неразборчивое, в чём женщина с трудом разобрала «спасибо».

Они продолжили путь, и Светлана заметила, что Кирилл уже не так напряжён: плечи чуть расслабились, шаг стал увереннее. Он всё ещё время от времени оглядывался, но уже не так испуганно – скорее с любопытством.

– В школе, – вдруг начал он тихо, словно решившись на что-то важное, – меня никто не любит. Я там... не такой, как все. Слишком слабый для мальчиков, слишком странный для девочек.

Светлана молчала, чувствуя, что сейчас главное – просто слушать.

– Они называют меня «рыжий таракан», – продолжил Кирилл, и в его голосе сквозила застарелая боль. – Прячут портфель, подставляют ножки в коридоре. А учителя делают вид, что не замечают.

Он споткнулся о корень, выступающий из земли, и Светлана инстинктивно поддержала его за локоть. Кирилл дёрнулся, но не отстранился.

– А здесь, в лагере, – он заговорил тише, почти шёпотом, – здесь я просто ещё один пионер. В одинаковой форме, с одинаковым галстуком. Здесь никому нет дела до того, что я не силен в спорте или что у меня рыжие волосы...

Голос затих, и он снова бросил взгляд вперёд, туда, где Марина и Ксюша о чём-то шептались, время от времени оглядываясь.

– Ну, почти никому, – добавил он так тихо, что Светлана едва расслышала.

В его голосе было столько горечи, столько обречённого понимания, что у неё к горлу подкатил ком. Двадцать лет назад она не услышала этих слов, не увидела его боли. Двадцать лет назад она была среди тех, кто смеялся, кто считал его странным, кто не вмешался, когда всё пошло не так.

Наблюдая за Кириллом, женщина вдруг ощутила к нему что-то большее, чем простое сострадание – будто в каждом его неуверенном жесте, в каждом неловком слове отражалась её собственная детская уязвимость, забытая, но не исчезнувшая. Это была не жалость и не дружеская поддержка, а скорее смутное, трогательное притяжение – как если бы они оба на какой-то момент стали единственными живыми существами в этом ночном лесу. Каждый раз, когда Кирилл поднимал на неё глаза, у Светланы внутри что-то переворачивалось. Вся эта встреча – не просто случайность, а редкая возможность исправить ошибку, которую она совершила, когда была ребёнком.

Лес становился плотнее, темнее, влажный воздух резал лёгкие. Позади кто-то споткнулся и тихо выругался, но Светлана не обернулась, не желая терять нить разговора. Впереди Марина и Ксюша убыстряли шаг, будто стремились первыми добраться до места. В их движениях, в стремлении быть в центре внимания, она вдруг увидела нечто хищное – это были не просто девочки-насмешницы, а две маленькие королевы жестокости, готовые разорвать любого, кто

рискнёт выйти из общей колеи. И Кирилл, сжавшийся и молчаливый, шёл рядом с тихой, безнадёжной верой, что в эту ночь всё пойдёт иначе.

Светлана вспомнила себя в той, первой ночи, когда она и её друзья впервые оказались на этой тропе. Тогда, казалось, всё было игрой: страшилки, таинственные шёпоты, жуткие истории о проклятых могилах и привидениях. Но сегодня эти игры были куда серьёзнее – на кону стояла хрупкая жизнь, к которой она внезапно почувствовала острую, почти болезненную привязанность. Она смотрела на Кирилла и понимала: если не она, то никто не сможет его вытащить.

Первые пятна лунного света прорезали густую тьму между соснами. женщина замедлила шаг. На одно краткое мгновение она забыла о себе, о прошлом и будущем, обо всём, что ждало их впереди. Кирилл тоже остановился, обернулся – и встретил её взгляд, полный тревоги и странного тепла. Светлана, не отдавая себе отчёта, притянула мальчика к себе и поцеловала в губы. Всё произошло так быстро, так неожиданно, что даже лес будто замер.

Кирилл отпрянул, глаза округлились от изумления, уши запылали ярко-красным. Он хлопал глазами, не в силах поверить в происходящее – казалось, вот-вот проснётся и будет долго вспоминать этот сон, выдуманный мозгом в попытках дать хоть крупицу признания и тепла. В нём боролись смущение, радость, испуг и растерянность.

Он молча кивнул, натянуто выпрямил спину и пошёл дальше по тропе, делая вид, будто ничего не случилось. Но по изменившейся походке, по тому, как он теперь чуть не подпрыгивал на каждом шагу, Светлана поняла: она дала ему нечто важнее любого слова. Он стал центром чьего-то внимания, пусть и на короткий миг.

Светлана осталась стоять на месте, поражённая собственным поступком. Он был продиктован ее желанием поднять самооценку Кирилла, которого поцеловала его ровесница, восхищенная его смелостью.

Она вздохнула, догнала мальчика и осторожно взяла его за руку. К её удивлению, он не вырвался: наоборот, стиснул её пальцы так крепко, что они побелели. Так они пошли дальше – двое чужаков в лесу, полном теней и предчувствий.

Впереди Марина и Ксюша по-прежнему шли вместе, убыстряя шаг и время от времени оборачиваясь. Их голоса то затихали, то вспыхивали – они явно обсуждали что-то остро секретное и почти не скрывали, что объект насмешек идёт следом. При каждом взгляде в сторону Кирилла Ксюша прикрывала рот ладошкой, а Марина театрально закатывала глаза. Для них мальчик был не человеком, а ходячей шуткой, мишенью для мелких, но ядовитых злорадств.

Светлана, наблюдая за этим, почувствовала, как в ней заводится тугая пружина злости. Сколько раз за эти годы она видела ту же сцену – в классе, на улице, в столовой пионерлагеря? Сколько раз сама была и объектом насмешек, и пассивным свидетелем, и – страшно признаться – частью безликой, хищной толпы? Теперь, идя по этой тропе, она понимала: вся их жизнь – один бесконечный лагерь, где правила задают самые громкие, а слабые только мечтают стать незаметными.

Тропинка становилась всё уже, словно лес пытался стиснуть их в своих объятиях. Шорох опавших листьев под ногами звучал неестественно громко в ночной тишине. Тимофей и Роман постепенно отстали от основной группы, намеренно замедляя шаг и сохраняя дистанцию, достаточную, чтобы их шёпот не достиг чужих ушей. Впереди, уверенно возглавляя процессию, шагал Гриша, а рядом – Лена, опасно убедительная в роли преданной пионерки.

Когда Тимофей склонился к Роману, его губы почти не двигались:

– Нужно придерживаться изначального плана. Что бы ни случилось той ночью, это уже произошло. Теперь мы просто наблюдатели.

Роман кивнул, но в глазах читалась неуверенность. Он поправил очки привычным жестом, хотя они идеально сидели на переносице.

– А если мы сможем что-то изменить? – в голосе звучала надежда, смешанная со страхом. – Если сможем спасти мальчика?

Лицо Тимофея стало жёстким. Лунный свет, просачивающийся сквозь кроны, придавал его чертам что-то демоническое.

– Тогда мы рискуем изменить всё, что произошло после. Всю нашу жизнь, – он помолчал. – Подумай сам: если Кирилл не умрёт, мы не вернёмся домой с чувством вины. Не сделаем те выборы, которые сделали. Не станем теми, кем стали. Всё может измениться.

Роман посмотрел вперёд, туда, где Светлана шла рядом с Кириллом, что-то тихо ему говоря. Её лицо светилось той особенной нежностью, которой мужчина никогда раньше у неё не замечал.

– Может, оно и к лучшему? – осторожно предположил он. – Может, мы станем... лучше? Без этого груза на душе?

– Или хуже, – отрезал Тимофей. – Или вообще никем. Может, мы просто исчезнем, как только попытаемся изменить прошлое. Или создадим такой парадокс, что застрянем здесь навечно. Ты этого хочешь?

Роман нервно сглотнул. Перспектива прожить жизнь заново, с разумом взрослого человека, казалась ещё более жуткой, чем смерть Кирилла, которая уже произошла – или произойдёт, в зависимости от точки зрения.

– Я не знаю, чего хочу, – признался он после паузы. – Но знаю, чего не хочу. Не хочу снова стоять и смотреть, как умирает ребёнок, когда я мог его спасти. Это... – он запнулся, – это разрушило меня тогда. Изнутри. Ты понимаешь?

Тимофей не ответил. Его лицо оставалось непроницаемым, как и двадцать лет назад, когда он первым повернулся и побежал прочь от могилы, оставив Кирилла привязанным к сосне. Первым среди них. Всегда первым.

– Я не говорю, что нам нужно активно участвовать в том, что произойдёт, – наконец произнёс он. – Просто не вмешиваться слишком явно. Посмотреть, куда это нас приведёт. Может быть... – он на миг запнулся, – может, мы здесь не для того, чтобы что-то менять. Может, мы здесь, чтобы понять что-то важное о себе.

Роман хотел возразить, но промолчал. Мысль о том, что вся эта ситуация может быть космическим уроком, а не шансом на искупление, казалась ему слишком удобной для Тимофея. Слишком похожей на оправдание.

Впереди Лена шла рядом с Гришей, идеально вживаясь в роль. Светлые волосы в лунном свете казались почти серебряными. Она с восхищением смотрела на вожатого, ловила каждое слово и от времени касалась его руки, когда он указывал на ориентиры.

– А правда, что возле могилы пионера-героя иногда видят призрак? – спросила она с идеально выверенной смесью детского любопытства и страха.

Гриша повернулся к ней, и на лице отразилась странная эмоция – что-то среднее между снисходительностью и затаённой жестокостью.

– А ты веришь в призраков, Лена? – спросил он, и обычно жёсткий и командирский голос вдруг стал мягким, почти вкрадчивым.

Лена чуть заметно вздрогнула, но сумела скрыть это за наигранной робостью.

– Не знаю... наверное, нет. Но некоторые ребята говорят...

– А что говорят ребята? – в тоне появилась холодная и цепкая заинтересованность.

– Говорят, что призрак этого пионера приходит за теми, кто предал идеалы, – Лена произнесла фразу так, словно повторяла заученный урок. – Что он утаскивает предателей в могилу.

Гриша помолчал, затем положил руку ей на плечо – тяжёлую, горячую даже сквозь ткань рубашки.

– Это не совсем так, – сказал он тихо, и что-то в его голосе заставило Лену замереть. – Призрак не просто утаскивает предателей. Он даёт им почувствовать то же, что чувствовал сам. Боль. Унижение. Предательство. Медленную агонию.

Лена смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых отражался лунный свет и что-то ещё – взрослый, осознанный страх женщины, понимающей, что рядом с ней идёт не просто строгий вожатый, а нечто гораздо более зловещее.

– Но это же просто легенда, да? – спросила она, и голос дрогнул, несмотря на все усилия сохранить образ наивной пионерки.

Гриша улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. Они оставались холодными и неподвижными, как у хищной рыбы.

– Конечно, легенда, – согласился он. – Но разве не интересно проверить её на практике?

По мере того, как они углублялись в лес, он становился всё более странным. Деревья клонились к тропинке, ветви тянулись к путникам, словно цепкие пальцы. Сосны, ещё недавно стройные и величественные, теперь выглядели искривлёнными, почти болезненными. Стволы изгибались под неестественными углами, создавая впечатление, что вот-вот сломаются под собственным весом.

Температура падала с каждым шагом. Дыхание вырывалось белыми облачками пара, хотя стоял разгар лета. Даже Гриша несколько раз незаметно поёжился, хотя тут же выпрямился, словно стыдясь этой слабости.

Светлана, всё ещё держащая Кирилла за руку, заметила в подлеске незнакомые растения. Гладкие, восковые листья словно пульсировали в лунном свете, меняя оттенок от бледно-зелёного до тёмно-пурпурного. Грибы, растущие идеально ровными кругами, светились жуткой флуоресценцией.

– Это не похоже на тот лес, в котором мы были раньше, – шепнула Марина, внезапно оказавшаяся рядом. – Ты помнишь такие... штуки? – она указала на грибы.

Светлана покачала головой, крепче сжимая руку Кирилла. Для него этот поход оставался просто ночной авантюрой, шансом доказать свою принадлежность к группе. Он не видел жутких изменений в лесу – или не хотел их видеть.

Звуки тоже искажались. Крики птиц растягивались, словно записанные на замедленную плёнку. Уханье совы превращалось в долгий, мучительный стон. Шелест листьев становился почти механическим, напоминая шорох старой плёнки в кинопроекторе – монотонный, ритмичный и совершенно неживой.

– Так, народ, а вы заметили, что у нас тут филиал фильма ужасов? – нервно хохотнул Антон, нагоняя Светлану и Марину. – Я, конечно, не эксперт по советским лесам, но мне кажется, что светящиеся грибочки – это не совсем то, что рисовали в учебниках по биологии.

Шутка повисла в воздухе. Никто не рассмеялся. Даже Кирилл, обычно готовый поддержать любую попытку разрядить обстановку, только крепче вцепился в руку Светланы.

– Эй, если появится пионер-призрак, может, пригласим его завтра на волейбольный турнир? – продолжил Антон, и голос звучал всё более напряжённо. – Я слышал, мертвецы отлично подадут – рука-то лёгкая!

Смех быстро стих, оборвавшись на высокой, почти истерической ноте. В гнетущей атмосфере леса любая шутка звучала кошмарно.

– Заткнись, – прошипела Ксюша, обернувшись. – Ты делаешь только хуже.

– А разве может быть хуже? – парировал он, но уже без улыбки. – Мы идём ночью в лес, ведомые вожатым-психопатом, к могиле пионера, на которой, возможно, убьём Кирилла через пару дней. Или уже убили, если смотреть с другой стороны. Хотя нет, я неправ. Конечно, может быть хуже. Мы могли бы ещё и в «Зарницу» играть по пути!

– Я серьёзно, заткнись, – Ксюша сжала кулаки. – Ты не помогаешь.

– А кто здесь помогает? – Антон обвёл рукой всю группу. – Мы все просто плывём по течению, как и двадцать лет назад. Только тогда мы хотя бы имели оправдание – мы были детьми, не понимали. А сейчас? Какое у нас оправдание?

Тишина, последовавшая за его словами, была оглушительной. Даже лес, казалось, затих, прислушиваясь к этому внезапному всплеску искренности от человека, который обычно прятался за шутками.

– Мы всё ещё можем всё изменить, – тихо и твёрдо сказала Светлана. – Мы не обязаны повторять прошлое.

– Светка права, – поддержала Марина, и в её голосе впервые за весь вечер не было ни насмешки, ни фальши. – Мы здесь не зря. Это шанс.

– Шанс на что? – резко спросил Тимофей, и глаза сверкнули в темноте. – На искупление? На перекройку реальности под себя? На то, чтобы почувствовать себя героями, а не ничтожествами, какими мы были двадцать лет назад?

– На то, чтобы просто поступить правильно, – ответила Светлана, глядя ему прямо в глаза. – Хотя бы раз в жизни.

Их взгляды скрестились – прямые, непримиримые. Два человека, когда-то бывшие лучшими друзьями, теперь стояли по разные стороны невидимой черты.

Лес расступился внезапно, словно нехотя пропуская на небольшую поляну, залитую лунным светом. В центре возвышался покосившийся обелиск с выцветшей красной звездой на вершине. Земля вокруг казалась странно рыхлой, будто недавно перекопанной, хотя, если верить легенде, никто не тревожил это захоронение десятилетиями. Над могилой нависала сосна с раздвоенным стволом – та самая, о которой шептались дети в лагере. Её кора словно пульсировала в лунном свете, создавая иллюзию, что дерево дышит.

Светлана застыла на краю поляны, не решаясь сделать шаг вперёд. Что-то в этом месте вызывало первобытный страх – не поверхностный испуг, а глубинный, животный ужас перед чем-то непостижимым. Она крепче сжала руку Кирилла и почувствовала, как его пальцы дрожат.

– Вот мы и пришли, – голос Гриши звучал теперь иначе: ниже, глубже, с какой-то вибрирующей нотой, которой раньше не было. – Место последнего упокоения настоящего героя.

Он вышел на середину поляны и встал перед обелиском. Лунный свет заливал его фигуру, придавая ей скульптурную чёткость. Скулы словно заострились, глаза запали глубже, а губы растянулись в улыбке, которая так и не затрагивала остального лица.

– Подходите ближе, – Гриша поманил их рукой. – Садитесь вокруг могилы. Сейчас я расскажу вам историю, которую не услышишь на уроках. Истинную историю пионера-героя.

Они молча повиновались, медленно приближаясь к могиле и рассаживаясь вокруг неё. Светлана села, потянув Кирилла за собой, чувствуя, как влажная земля холодит ноги сквозь ткань юбки. Марина и Ксюша жались друг к другу, утратив обычную самоуверенность. Тимофей сидел прямо, а лицо застыло неподвижной маской. Роман нервно поправлял очки, хотя они не сползали с носа. Антон казался единственным, кто сохранял хотя бы видимость спокойствия, но пальцы беспокойно отбивали ритм на колене. Лена сидела почти напротив Гриши, и её светлые волосы в лунном свете казались серебряными, лицо – мертвенно-бледным.

– Здесь покоится герой-пионер Петя Соколов, – торжественно произнёс Гриша, обводя взглядом притихших детей. – Преданный теми, кому доверял, замученный за верность советскому делу.

Он сделал паузу, а потом продолжил другим тоном – интимным, почти шепчущим, заставляющим всех невольно податься вперёд.

– Это было в первые годы Советской власти. Кулаки в соседней деревне не могли смириться с тем, что их земли отдают беднякам. И тогда они решили отомстить – напасть на пионерский лагерь, который только открылся здесь, в этом лесу.

Ветер на поляне стих. Лишь иногда раздавался шорох в ветвях сосны – странный, ритмичный, похожий на чьё-то прерывистое дыхание.

– Среди пионеров был мальчик, Петя Соколов, – продолжал Гриша, голос падал и поднимался, словно волна. – Самый преданный, самый верный идеалам. Когда кулаки напали на лагерь, он один не испугался. Побежал к деревне за помощью. Но в лесу его поймали...

Глаза Гриши теперь казались почти чёрными. Лицо изменилось – не то от игры теней, не то от чего-то более зловещего. Под маской вожатого словно проступало другое лицо – древнее, жестокое, безжалостное.

– Они схватили его и привязали к этой сосне, – Гриша кивнул в сторону дерева. – И начали пытаться. Медленно, вилами и ножами, пока он не захлебнулся собственной кровью. Но он не предал товарищей. Не выдал, где прячутся другие дети. Пионерская верность оказалась сильнее боли и страха смерти.

Светлана почувствовала, как по спине ползёт холодок. Она не знала, правдива ли история, но рассказанная здесь, на этой поляне, в лунном свете, она обретала жуткую достоверность. Кирилл сидел рядом, обхватив колени руками, уткнувшись в них лицом.

– Но пионер-герой не просто умер, – голос Гриши упал до шёпота. – Товарищи нашли его тело на рассвете и похоронили здесь, с горном и красным галстуком. И поклялись на его могиле мстить всем предателям. Всем, кто нарушил пионерскую верность.

Гриша поднялся и начал медленно обходить сидящих, шаг за шагом. Его тень казалась непропорционально длинной, с руками, похожими на птичьи крылья.

– На следующую ночь после похорон пионеры, дежурившие у входа в лагерь, увидели фигуру мальчика в красном галстуке, идущего из леса. Окликнули его, но он не ответил. А когда подошли ближе...

Гриша резко наклонился над Кириллом, заставив того вздрогнуть.

– ...увидели, что у него нет лица. Только красный галстук и пустота под пионерской пилоткой.

Кирилл издал сдавленный звук – что-то среднее между кашлем и всхлипом. Светлана инстинктивно придвинулась к нему ближе.

Температура на поляне, казалось, упала на несколько градусов. Дыхание вырывалось белыми облачками пара, что было странно для тёплой июльской ночи. Земля вокруг могилы выглядела ещё более рыхлой, и женщине показалось, что она заметила едва различимое движение – почва поднималась и опускалась в ритме медленного дыхания.

– С тех пор призрак пионера-героя бродит по этому лесу, – голос Гриши звучал теперь словно отовсюду: из-за спин, из-под земли, с ветвей деревьев. – Он приходит за теми, кто предал товарищей. За теми, кто нарушил клятву верности. Он заглядывает в душу и видит момент, когда ты предал того, кто тебе доверял.

Вожатый обошёл круг из детей и снова встал перед могилой. Лицо в тени выглядело как череп, обтянутый тонкой кожей: глазницы казались пустыми, скулы выступали острыми углами, губы растянулись в оскале, обнажая зубы – слишком длинные, слишком острые.

– И знаете, что он делает с предателями? – Гриша наклонился вперёд, голос упал до едва слышного шёпота. – Он заставляет их почувствовать всё то, что чувствовал сам. Каждый удар вил. Каждый порез ножа. Каждую секунду агонии, когда лёгкие наполняются кровью...

Он выпрямился, и тень на земле снова искривилась, принимая форму, не соответствующую человеческому силуэту.

– Но самое страшное не это, – Гриша обвёл взглядом побледневшие лица. – Самое страшное, что призрак не всегда выглядит как мертвец. Иногда он принимает облик обычного человека. Живого. Того, кому все доверяют. И только в последний момент, когда уже поздно, жертва видит пустоту под маской.

Внезапно где-то в лесу раздался треск веток – громкий, резкий, в ночной тишине прозвучавший как выстрел. Все вздрогнули. Гриша резко повернулся в сторону звука, вглядываясь в темноту между деревьями.

– Директор! – прошипел он, и в голосе впервые за вечер прозвучал настоящий страх. – Он обходит территорию! Быстро, бегите в лагерь! По отдельности, чтобы не попасться!

Слова сорвали оцепенение. Дети вскочили, лихорадочно оглядываясь, не зная, в какую сторону бежать. Лес вокруг поляны казался чёрным, непроницаемым.

– Быстрее! – скомандовал Гриша. – Если поймают – всех исключают из пионеров!

Эта угроза, абсурдная для взрослых из две тысячи второго года, но всё ещё страшная для детской части их сознания, заставила всех сорваться с места. Они бросились врассыпную, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и цепляясь за ветки. Крики, треск, тяжёлое дыхание – всё смешалось в какофонию паники.

Светлана потеряла Кирилла в первые же секунды – его рука выскользнула из её пальцев, когда он споткнулся. Она обернулась, пытаясь найти его в сумятице, но увидела только мелькающие тени и спины убегающих.

– Кирилл! – крикнула она, но голос потонул в общем шуме.

Гриша почему-то не убежал. Он стоял у могилы, наблюдая за разбегающимися детьми с выражением странного удовлетворения. На мгновение их взгляды встретились, и Светлана почувствовала, как что-то холодное касается её сознания – словно ледяные пальцы скользнули по поверхности мозга. Вожатый улыбнулся, и в его улыбке было что-то древнее, жестокое, нечеловеческое.

Это длилось долю секунды. Женщина развернулась и побежала прочь от поляны, углубляясь в лес, не разбирая дороги, движимая лишь инстинктом – убежать как можно дальше от этого места и этого существа.

Она бежала, не думая о направлении, стараясь держаться подальше от криков, которые постепенно затихали вдали. Ветви хлестали по лицу, колючие кусты цеплялись за одежду, корни словно специально возникали под ногами. Но страх гнал вперёд.

Когда лёгкие начали жечь, а ноги стали подкашиваться, Светлана Волкова замедлила бег и остановилась, тяжело дыша. И только тогда поняла, что совершенно не представляет, где находится.

Лес вокруг был чужим. Стволы деревьев искривились под неестественными углами, ветви переплелись так плотно, что сквозь них не было видно даже лунного света. Земля под ногами была мягкой, словно недавно вскопанной, и пахла сырой гнилью.

Светлана медленно повернулась, пытаясь найти хоть какой-то ориентир, хоть намёк на тропинку. Но со всех сторон был только лес – чёрный, искривлённый, неправильный. Даже воздух здесь казался гуще, словно наполненный невидимой взвесью, которая оседала на коже липким слоем.

– Эй! – крикнула она. – Тимоха! Рома! Лена! Кто-нибудь!

Голос прозвучал глухо, словно внутри закрытой комнаты, и тут же увяз в тишине. Никакого эха, никакого отклика. Только еле слышный шёпот между деревьями – тихий, монотонный, похожий на молитву на незнакомом языке.

Впереди мелькнул слабый свет – бледное, голубоватое сияние между стволами. Может быть, фонарик кого-то из друзей? Или огни лагеря?

Она пошла на свет, раздвигая ветви, перешагивая через поваленные стволы. Чем ближе подходила, тем сильнее становилось ощущение, что что-то не так. Свет не мерцал, как от фонарика или костра. Он был ровным, холодным, почти потусторонним. И он двигался – медленно, но неуклонно.

Светлана замерла, осознав опасность. Что бы ни было источником света, оно не было ни её друзьями, ни персоналом лагеря. И оно приближалось.

Она отступила на шаг, готовясь бежать. Но среди деревьев мелькнула фигура – детский силуэт в пионерской форме, с красным галстуком, светящимся в темноте. Затем появилась вторая. Третья. Четвёртая.

Они двигались между деревьями с неестественной синхронностью, словно марионетки, управляемые одной рукой. Шаги были беззвучными, ветви не шелестели, когда они проходили сквозь кусты. Светлана видела их лица – или, скорее, отсутствие лиц. Там, где должны были быть глаза, нос, рот, виднелись лишь смутные очертания, размытые, словно на плохой фотографии.

Один из призрачных пионеров вышел на пятно лунного света. И тогда Светлана разглядела его лицо полностью – древнее, морщинистое лицо старика на детском теле, с глазами, в которых отражались десятилетия наблюдений и вечность пустоты.

Светлана застыла, парализованная ужасом. Пионеры-призраки медленно окружали её, смыкая круг. Движения их были синхронными, нечеловеческими. А из-за спин, из глубины леса, приближалась ещё одна фигура – высокая, взрослая, с лицом, которое постоянно менялось, перетекая из одного выражения в другое, как воск под огнём.

Воздух вокруг загустел и застыл, словно ночь выдохнула сквозь иглы и листья тягучий, холодный студень. Белёная мгла выползла из-под корней, медленно за клубилась в сгущающемся мраке, закручивая воронку, которая поглощала и Светлану, и размытых призраков в красных галстуках, и все звуки – до последнего шелеста. Кроны деревьев, ещё секунду назад вычерченные на фоне неба резкими силуэтами, теперь дрожали и текли, как акварель в дождь. Стволы исчезали, сливались с дымкой, растворялись. Пустота разрасталась стремительно, пожирая остатки реальности: сначала исчезли шаги за спиной, затем – призрачный свет, потом – даже тяжесть собственного тела.

Светлана попробовала вдохнуть, но не смогла уловить ни запаха леса, ни знакомого сырого воздуха. Лёгкие не наполнились. Ни боли, ни страха – только безразмерная тишина, в которой исчезли любые ориентиры. Звуки пропали совсем: не было ни голоса, ни дыхания, ни биения сердца. Кожа не чувствовала ветра, одежда перестала сковывать движения, а сами движения стали эфемерными, несбывшимися намерениями.

В какой-то момент она поняла, что потеряла понятие времени. Минуты, секунды растворились без следа, уступая место ожиданию. В этом пространстве никто не мог быть уверен, что он всё ещё существует. Даже внутренняя речь стала чуждой: мысли возникали медленно, лениво, перемешивались с воспоминаниями о детстве – и тут же исчезали, обрывались, не завершившись. Голова гудела пустотой, пальцы не слушались, а ноги будто приросли к месту или вовсе перестали существовать.

В абсолютной тишине Светлана впервые ощутила полное одиночество – все связи с прошлым и настоящим были перерезаны. Она не вспомнила ни лица матери, ни имени, ни того, зачем оказалась в этом лесу. Даже страх стал далёкой и неактуальной абстракцией.

Осталась только она и белёная вуаль, скользкая в вакууме. Она попыталась закричать, но из горла не вырвалось ни звука. Любая попытка позвать на помощь глохла внутри черепа, словно голос застревал в смоле.

И тогда в пустоте начали вырастать образы – неуловимые, зыбкие, как сны после лихорадки. Сначала чёрно-белые школьные фотографии; потом – парадный зал с красными матовыми шарами; потом – зыбкая фигура мальчика с лицом, которое всё время менялось. Все воспоминания Светланы разом всплыли на поверхность и, не выдержав света, тут же рассыпались в прах. В последний миг, перед тем как исчезнуть, она увидела себя со стороны – маленькую, беззащитную, потерявшуюся в чужом, бесконечном лесу.

Сознание стало таять, истончаться, как лёд под тёплой ладонью. Она не ощущала ни тела, ни страха, ни времени – только смутное осознание, что когда-то была кем-то, но больше это не имеет значения.

И в белой тишине её понесло всё дальше и дальше, пока не осталась только точка на краю умирающего сна.

Глава 5. Взрослый выбор

Туман обволакивал Тимофея, словно живое существо, проникая под одежду, оседая влажными каплями на волосах и коже. Уже несколько минут он брёл между деревьями, пытаясь найти дорогу обратно в лагерь после того, как в панике бросился бежать от могилы пионера-героя. Странное чувство нереальности нарастало с каждым шагом – звуки становились приглушённое, словно кто-то медленно поворачивал ручку громкости, а запах сырой хвои делался всё интенсивнее, почти до головокружения.

Тимофей пытался сосредоточиться на логике и здравом смысле – в конце концов, любой лес когда-нибудь заканчивается, нужно просто выбрать одно направление и придерживаться его. Но с каждым шагом туман сгущался, становясь почти осязаемым, как вата. Направление терялось, деревья превращались в размытые силуэты, возникающие и исчезающие, словно призраки.

– Рома! Антон! – крикнул Тимофей, но звук голоса прозвучал странно глухо и сразу же потонул в беззвучной пустоте. – Да какого чёрта...

Он остановился, тяжело дыша. Нелепая ситуация – тридцатилетний мужчина в теле двенадцатилетнего мальчика, заблудившийся в лесу советского пионерлагеря, в который каким-то невероятным образом перенёсся из две тысячи второго года. Если рассказать кому-нибудь – решат, что сошёл с ума. Да он и сам уже начинал в этом сомневаться.

Со всех сторон наступала белёсая мгла, превращая деревья в тени, а землю под ногами – в зыбкую, неопределённую поверхность. Тимофей инстинктивно сжал кулаки, словно готовясь к бою с бесформенным противником. Он ненавидел чувствовать себя беспомощным, ненавидел терять контроль – а сейчас всё происходило именно так: реальность ускользала, оставляя его наедине с неизвестностью.

Влага пропитала пионерскую форму, рубашка прилипла к телу, вызывая неприятный холод, расплзающийся от поясицы вверх по спине. Тимофей поёжился и сделал ещё несколько шагов, уже не пытаясь кричать – инстинкт подсказывал, что любой звук в этой пустоте лишь привлечёт нежелательное внимание.

Внезапно туман сгустился до такой степени, что Тимофей не мог разглядеть даже собственных рук перед лицом. Он поднёс пальцы к самым глазам – но видел лишь белёсую пустоту там, где должна быть ладонь. Секундная паника, удар адреналина – и он инстинктивно шагнул вперёд, словно пытаясь прорваться сквозь непроницаемую завесу.

Шаг. Ещё один. Что-то изменилось в воздухе – исчез запах хвои, исчезла влажность, само ощущение леса растворилось. Тимофей сделал ещё шаг и вдруг понял, что идёт по твёрдому, ровному полу. Бетонному. Туман начал рассеиваться – сначала медленно, затем всё быстрее, открывая взгляду очертания какого-то помещения.

Пыльные металлические стеллажи, уходящие в полумрак. Серые бетонные стены с потёками конденсата. Тусклый свет единственной лампы, свисающей с высокого потолка на длинном проводе. И запах – резкий, характерный: бензин, машинное масло, металлическая стружка, дешёвые сигареты, пот.

Тимофей застыл, не веря глазам. Этот склад он узнал бы вслепую – каждую трещину в бетонном полу, каждую особенность освещения. Склад автозапчастей на окраине Москвы, где работал старшим смены с девяносто седьмого по девяносто девятый, пока не перешёл в офисный бизнес. Полулегальный, с сомнительной бухгалтерией, где впервые почувствовал вкус власти, пусть и маленькой.

Он медленно шёл между стеллажами. Выцветший календарь с полуголыми девицами на стене, треснувшая кафельная плитка возле входа в каптёрку, запах дешёвого растворимого

кофе, стойкой нотой висящий в воздухе. Август девяносто восьмого года – месяц, перевернувший многие жизни, когда случился дефолт и рубль рухнул в одночасье.

Он повернул за угол и замер, увидев самого себя – молодого, двадцативосьмилетнего, сидящего за обшарпанным столом в углу склада. Волосы короче, плечи уже, лицо моложе, без той жёсткости, которая появилась позже. Но это был, несомненно, он сам – склонившийся над потрёпанным журналом учёта, делающий какие-то пометки карандашом, изредка поглядывая на дешёвые китайские часы на запястье.

Молодой Тимофей не замечал двойника из будущего. Полностью погружён в работу, лишь изредка отвлекался, чтобы сделать глоток из пластикового стаканчика на краю стола. Тимофей нынешний понял, что стал чем-то вроде призрака – невидимого наблюдателя в собственном прошлом.

Он подошёл ближе, рассматривая своё молодое лицо. Странное чувство – видеть себя со стороны, замечать детали, на которые никогда не обращал внимания. Лёгкая асимметрия в чертах, напряжённая складка между бровями, машинальный жест – рука то и дело поднимается поправить несуществующий галстук, привычка, которую приобрёл позже, когда начал носить костюмы каждый день. Молодой Тимофей ещё не знал, что станет успешным бизнесменом, что будет владеть собственной компанией. Но в глазах уже читалась целеустремлённость, холодная расчётливость, которая позже принесёт успех.

Дверь склада со скрипом отворилась, впуская поток холодного воздуха и женскую фигуру. Тимофей-призрак вздрогнул, узнав её мгновенно – Зарина, двадцатипятилетняя девушка, работавшая уборщицей на складе. Тонкая, смуглая, с огромными карими глазами, которые всегда смотрели чуть испуганно, как у загнанного зверька.

Зарина тихо прошла мимо стеллажей, держась у стены, словно пытаясь слиться с ней, стать незаметной. Движения экономные, осторожные – так двигаются люди, привыкшие к опасности, готовые в любой момент сорваться с места и бежать. На запястье тускло поблёскивал тонкий серебряный браслет – единственная драгоценность, которую она себе позволяла.

Молодой Тимофей поднял голову от журнала и улыбнулся ей – не тепло, а с особым выражением превосходства, которое тогда считал признаком уверенности в себе.

– Зарина, – произнёс он, откладывая карандаш. – Как раз тебя ждал. Подойди-ка сюда.

Женщина вздрогнула и остановилась, не поднимая глаз. Пальцы нервно теребили край потрёпанной кофты.

– Тимофей Сергеич, я уборку ещё не закончила...

– Ничего, успеешь, – будущий бизнесмен указал на стул напротив. – Садись, разговор есть.

Тимофей-призрак наблюдал, как женщина медленно, неохотно приблизилась и села на самый край стула, готовая вскочить в любой момент. Этот разговор он помнил до мельчайших деталей – каждое слово, каждый жест. День, когда впервые по-настоящему понял: власть не в крике, не в угрозах, а в информации.

– У меня для тебя новости, – молодой Тимофей откинулся на стуле, растягивая момент. – Я просматривал документы сотрудников, и знаешь, что обнаружил?

Зарина замерла, глаза расширились от страха. Она знала. Конечно, знала, что документы поддельные, что находится в России нелегально. Для девушки из бедной семьи это был единственный способ получить работу, единственный шанс вырваться из нищеты.

– Тимофей Сергеич, – голос дрожал, став почти шёпотом. – Я хорошо работаю, да? Никогда не опаздываю...

– Твои документы, Зарина, – молодой Тимофей говорил спокойно, почти ласково, но в интонации сквозила сталь. – Они фальшивые. Регистрация поддельная, разрешение на работу липовое. Знаешь, что бывает за такое?

Зарина опустила голову ещё ниже, плечи поникли.

– Пожалуйста, – прошептала она. – Мне очень нужна эта работа. У меня семья, мама болеет...

Тимофей-призрак смотрел на эту сцену и чувствовал, как внутри поднимается что-то тёмное, тяжёлое. Он помнил, какое удовольствие испытывал тогда, видя страх в её глазах, абсолютную беспомощность перед ним. Помнил, как наслаждался этой маленькой властью – властью над человеческой судьбой.

– Я мог бы сообщить начальству, – молодой Тимофей сделал паузу, барабанив пальцами по столу. – Или даже в миграционную службу. Но не буду.

В глазах Зарины мелькнула надежда, тут же сменившаяся настороженностью. Она достаточно знала о жизни, чтобы понимать: ничто не даётся просто так.

– Почему? – тихо спросила она.

– Потому что я хороший человек, – молодой Орлов улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. – И потому что ты мне нравишься, Зарина. Хорошо работаешь, не создаёшь проблем. Зачем терять хорошего сотрудника?

Тимофей-призрак подошёл ближе, почти касаясь плеча своей молодой версии. Он видел, что тогда действительно верил в собственную благородность. Верил, что делает доброе дело, проявляет милосердие. И одновременно наслаждался властью – тем, что жизнь этой женщины теперь зависела от его прихоти.

– Так что мы сделаем вид, будто я ничего не видел, – продолжал молодой Тимофей. – Ты продолжишь работать, как раньше. Только иногда, может быть, придётся помогать мне с некоторыми... дополнительными задачами. Ничего сложного, не беспокойся.

Зарина медленно кивнула, не поднимая глаз. Пальцы непроизвольно коснулись серебряного браслета, словно ища поддержки в этом единственном напоминании о доме.

– Я слышал, ты собираешься замуж? – неожиданно спросил молодой Тимофей.

Зарина вздрогнула, удивлённая тем, что он знает такие подробности.

– Да, – она едва заметно улыбнулась, и на мгновение лицо осветилось изнутри. – Мы с Рустамом хотим пожениться этой осенью. Он из моего города, работает на стройке...

– Хорошо, – кивнул молодой Тимофей. – Очень хорошо. Семья – это важно. Кстати, я мог бы помочь с документами для твоего будущего мужа. Есть знакомые в паспортном столе.

Тимофей-призрак увидел, как в глазах женщины промелькнуло понимание. Она осознала, что попала в ловушку – добровольно рассказав о женихе, дала ещё одно оружие против себя.

– Спасибо, – выдавила Зарина, голос стал ещё тише. – Вы очень добры.

Молодой Тимофей откинулся на стуле с довольной улыбкой.

– Ну что ты, какие мелочи. Мы ведь одна команда, правда?

Он медленно встал. Движения неторопливы и выверены, как у хищника, оценивающего добычу. Обогнул стол – каждый шаг звучал гулко в пустом помещении, где единственная лампа отбрасывала резкие тени, делая фигуру выше и массивнее. Зарина съёжилась на стуле, инстинктивно пытаясь стать меньше, незаметнее – первобытный защитный рефлекс, бесполезный против хищника, уже выбравшего жертву.

Тимофей-призрак наблюдал с холодным узнаванием: каждое движение, каждый жест молодой версии были записаны в памяти, словно выжжены на внутренней стороне век.

Молодой Тимофей стал между ней и дверью. Мягко, но решительно отрезая путь к отступлению. Тень падала на Зарину, словно накрывая её тёмным покрывалом.

– Мы можем решить это по-взрослому, – произнёс он вкрадчиво. – Ты же понимаешь, о чём я?

Глаза Зарины расширились, в них отразилось понимание – и ужас. Она дёрнулась, словно от удара, попыталась встать, но Тимофей положил руку ей на плечо, мягко, но властно удерживая на месте.

– Я не... я не могу, – голос дрожал. – У меня жених, мы скоро поженимся. Я люблю его.
– Зарина, – молодой Тимофей мягко перебил её, поглаживая большим пальцем плечо через тонкую ткань блузки, – я ничего от тебя не требую. Это твой выбор. Я никого не заставляю.

Тимофей-призрак наблюдал, как молодое лицо меняется, становясь одновременно и мягче, и жёстче – маска заботы, за которой скрывалась голодная пустота.

– У меня есть выбор? – тихо спросила Зарина, и в голосе сквозило горькое понимание: выбора нет.

– Конечно, – молодой Тимофей продолжал улыбаться. – Ты всегда можешь сказать «нет». И я пойму. Правда, тогда и я не смогу помочь с документами. И, к сожалению, придётся сообщить руководству о твоей ситуации. Это не угроза, просто... понимаешь, я рискую своим положением, прикрывая тебя. Мне нужна... компенсация за риск.

Рука скользнула с плеча к шее, легонько поглаживая кожу под ухом. Зарина вздрогнула от прикосновения, но не отстранилась – тело словно оцепенело от страха и отвращения.

– Пойдём, – сказал Тимофей, беря её за руку и помогая встать. – Здесь неудобно. В глубине склада есть место, где нам никто не помешает.

Он повёл её между высоких металлических стеллажей, уставленных запчастями. Лампы здесь горели через одну, создавая причудливый ритм света и тени. Шаги эхом отдавались от бетонных стен, а запах машинного масла и металла становился всё сильнее, смешиваясь с чем-то затхлым, застоявшимся – словно сам воздух здесь застыл, не обновляясь годами.

Тимофей-призрак следовал за ними, плывя сквозь время, как наблюдатель в театре собственного прошлого. Он помнил, куда они шли – в дальний угол склада, где за штабелями ящиков с автозапчастями скрывался от посторонних глаз закуток. Там стоял старый диван с продавленными пружинами, который использовали для редких перекуров или короткого сна во время ночных смен.

Зарина шла, опустив голову, плечи поникли. Она не вырывалась, не кричала, не пыталась убежать – знала, что бесполезно. Нелегальное положение, отсутствие документов, неизбежная депортация и крах всех надежд – всё это держало крепче любых верёвок.

Они дошли до закутка. Старый диван, покрытый потёртой тканью, несколько ящиков, служивших импровизированными столиками, и голая лампочка без абажура, свисающая с потолка на длинном проводе. Свет здесь был особенно резким и безжалостным, выхватывающим каждую морщинку, каждую складку одежды, каждую каплю непрошенных слёз.

– Вот тут нам никто не помешает, – сказал молодой Тимофей, закрывая за собой проход, составленный из ящиков. – Можешь расслабиться.

Зарина стояла посреди этого убогого пространства, обхватив себя руками, словно защищаясь от холода, хотя в помещении было душно. Тимофей подошёл, положил руки ей на плечи.

– Не нужно так нервничать, – сказал он с улыбкой. – Всё будет хорошо. Ты же хочешь, чтобы всё было хорошо?

Она кивнула, не поднимая глаз. Руки безвольно опустились.

– Так что... что я должна делать? – спросила она шёпотом.

– Для начала, – Тимофей отступил на шаг, – можешь снять блузку.

Зарина медленно подняла руки к верхней пуговице – белая блузка с мелким цветочным узором, такая же безликая и дешёвая, как всё, что она носила. Пальцы дрожали, когда она расстёгивала пуговицу за пуговицей, открывая сначала шею, затем ключицы, потом скромный белый бюстгалтер – дешёвый, с потёртой резинкой и заплаткой на боку.

– Тимофей Сергеевич, – прошептала она, глядя в пол, – пожалуйста, не надо. У меня жених, мы любим друг друга. Я... я не могу так.

– Всё ты можешь, – Тимофей присел на край дивана, наблюдая за ней. – И блузкуними полностью. И юбку тоже. Не тани время.

Зарина стянула блузку с плеч, аккуратно сложила и положила на ящик, словно эта маленькая деталь – забота об одежде – могла вернуть хоть каплю достоинства. Затем расстегнула молнию на юбке – тёмно-синей, до колен. Юбка соскользнула вниз, обнажая белые трусики, такие же простые и безыскусные.

Слеза скатилась по щеке, оставляя влажную дорожку. Она не стирала её, позволяя высохнуть самой. Стоя в одном белье посреди склада, под безжалостным светом лампы, который подчёркивал каждое несовершенство – худобу, несколько синяков на бёдрах от ударов о столы во время уборки, тонкий шрам на животе.

– Тимофей Сергеевич, – она вдруг упала на колени, протягивая руки в умоляющем жесте, – прошу вас. Я всё для вас сделаю. Буду убирать у вас дома, готовить, что хотите. Только не это. Я не смогу потом смотреть Рустаму в глаза.

Тимофей смотрел на неё сверху вниз, и в глазах не было ни жалости, ни сочувствия – только холодное удовлетворение от власти над ней.

– Зарина, – голос звучал почти ласково, – не драматизируй. Это просто секс. Все это делают. Твой Рустам никогда не узнает, если ты не скажешь. И всё будет хорошо. У тебя будут документы, у него будут документы. Поженитесь, будете жить долго и счастливо.

Он наклонился и погладил её по волосам, как гладят послушную собаку.

– А теперьними остальное. И хватит слёз.

Но слёзы продолжали течь, пока Зарина снимала бюстгальтер, обнажая маленькую грудь с тёмными сосками, набухшими от холода и страха. Руки дрожали, когда она стягивала трусики – последнюю защиту, последнюю преграду между достоинством и полным унижением.

Теперь она стояла обнажённая, дрожащая, обхватив себя руками в бесполезной попытке прикрыться. Кожа покрылась мурашками от холода бетонного пола под босыми ногами.

– Красивая, – сказал Тимофей, и слово прозвучало как оскорбление.

Он встал и начал расстёгивать ремень, не сводя с неё глаз. Металлическая пряжка звякнула, когда брюки упали на пол.

– На диван, – скомандовал он.

Зарина легла, глядя в потолок невидящим взглядом. Тело напряжено, словно перед пыткой.

Тимофей-призрак наблюдал с холодной отстранённостью, но где-то глубоко внутри зарождалось странное чувство – не раскаяние, не сожаление, а скорее тревожное осознание: в этой сцене было что-то не просто неправильное, а противоестественное в самой своей сути.

Молодой Тимофей навис над Зариной, его тело закрыло свет, погрузив её лицо в тень. Она закрыла глаза, сжала губы, мысленно отделяя себя от происходящего, уходя глубоко внутрь, туда, где никто не мог до неё добраться.

Он гладил её – сначала осторожно, почти заботливо, будто пытался обмануть, что в этом есть хоть капля нежности. Пальцы скользили по плечам, спине, потом ниже, к талии. Зарина вздрогнула, будто от удара током. Лицо перекосило, щёки залились краской, и она зарыдала в полный голос – не сдерживая ни стыда, ни страха, ни той последней надежды, что ещё теплилась внутри.

Диван скрипел, пружины впивались в спину. В холодном, пыльном воздухе звуки становились резче – скрип дивана, тяжёлое дыхание Тимофея, приглушённые всхлипывания, которые она пыталась сдерживать, закусив губу до крови.

Где-то в глубине склада хлопнула дверь, раздались шаги – кто-то из сотрудников вернулся на рабочее место. Зарина вздрогнула, страх обнаружения придал унижению новое измерение. Но Тимофей знал, что сюда никто не заглядывает, что этот угол – его территория, его маленькое царство, где он абсолютный властитель.

Движения стали резче, безжалостнее, словно он наказывал её за страх, за слёзы, за слабость. Он наслаждался не столько физическим актом, сколько властью, контролем, возможностью делать с ней всё, что захочет.

Рыдания были не для него, не для окружающего мира, не для будущего забытого жениха – для самой себя, потому что в этот момент Зарина почувствовала: себя у неё больше нет, и ничего нет, кроме холода, пустой боли и мерзкой, липкой вины за то, что всё-таки подчинилась.

– Тише, – сказал Тимофей, прижимая её к себе, будто желая придать происходящему интимность. – Всё нормально. Всё пройдёт.

Она старалась не смотреть ему в глаза, не слышать, не чувствовать чужой запах. Но каждый вздох, каждое движение были для неё раскалённой иглой, вонзающейся прямо в кости. Она пыталась ускользнуть внутрь себя, отгородиться мысленно от его поцелуев – самых ненавистных в мире, потому что в этой «ласке» чувствовалась не забота, а желание раздавить, подчинить, сломать до конца.

Когда он на секунду отстранился, чтобы стянуть с себя майку, Зарина машинально потянулась к блузке, прижимая её к груди, как последний щит, но он выхватил ткань из рук, отбросил, и теперь она осталась почти голой, дрожащей, беспомощной. Худое тело, которого она всегда стыдилась, стало вдруг центром мира, и этот центр был сплошной болью.

Он опрокинул её на диван, и пружины громко взвыли. Зарина сжалась в комок, уткнулась лицом в подлокотник, закрыла уши руками, но никуда не исчезла – наоборот, каждое прикосновение словно было вылеплено в камне, и этот камень теперь лежал внутри неё, поджимая внутренности. Она продолжала рыдать, всхлипывая прерывисто, как ребёнок, и в какой-то момент руки подкосились, и она не смогла даже сопротивляться – ни физически, ни морально. Было такое чувство, будто тело – это просто оболочка, которую можно распахнуть, вывернуть наизнанку, а дальше делать с ней что угодно, и никто не придёт на помощь, и никто уже не напомнит, что где-то когда-то была другая жизнь.

Он развёл её ноги с той же холодной решимостью, с какой взламывают ржавый замок или силой открывают заевшую дверь. В тот миг, когда он оказался внутри, Зарина замерла, будто в неё вонзили холодное лезвие, – и, не издав ни звука, закрыла лицо ладонями. Слёзы хлынули сразу, заливая глаза и рот, заставляя всхлипывать глухо, в пустоту, потому что плакать вслух было опасно: за тонкой стенкой мог кто-то пройти, услышать, и тогда стыд расплзся бы не только внутри, но и наружу, навсегда. Она уткнулась лбом в подлокотник, впиваясь ногтями в потрёпанную ткань, а другая рука машинально сжала край дивана, будто тот мог удержать её здесь, в этом мире, а не утащить за грань.

Тимофей был тяжёлым, липким, неотступным. Дыхание било в ухо горячей волной, и каждое движение ощущалось как отдельная пытка, особенно потому, что он делал паузы – дразнящие, хищные, будто изучал, где проходит черта боли, за которой откроется настоящее отчаяние. Тело сначала просто не слушалось, потом – как назло – стало откликаться, предательски дрожа, и это было для Зарины самой страшной пыткой: ведь если тело живёт само по себе, то, может быть, она и правда заслужила всё это? В голове роились мысли о доме, о матери, о Рустаме и о том, что теперь никогда не получится быть прежней – человек теряет себя не сразу, а вот так, по кусочкам, с каждым толчком, с каждой новой каплей унижения.

В какой-то момент он, поймав её за подбородок, заставил повернуться и посмотреть на него. Лицо Тимофея было спокойным, даже немного усталым, как будто он уже мысленно составлял список дел на вечер: позвонить начальнику, заехать в магазин, написать кому-то из знакомых. Он вздохнул, ускорил ритм, и, когда пришёл к финалу, даже не издал ни звука – просто резко отстранился, натянул брюки, ловко застёгивая ремень одной рукой. Зарина наконец смогла вдохнуть. Плечи вздрагивали от немых рыданий, а внутри осталась только пустота и стыд – такой густой, что казалось, он никогда уже не смоеется.

– Видишь, всё не так страшно, – сказал он. – Можешь одеваться. И не забудь протереть диван, здесь бывают и другие сотрудники.

Это последнее указание – будничное, деловое – было, возможно, самым унижительным из всего, что произошло. Оно низводило её из статуса человека в статус вещи, функции, придатка к швабре и тряпке.

Зарина медленно встала. Каждое движение давалось с трудом, словно тело стало чужим, неподвластным. Она натянула трусики, бюстгальтер, блузку, юбку – механически, как робот, выполняющий заданную программу.

– Спасибо за... понимание, – сказал Тимофей, словно они только что заключили деловую сделку. – Завтра поговорю насчёт документов. А в пятницу жду тебя здесь после шести. Обсудим детали.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь, оставив её одну в этом углу склада, среди ящиков и пыли, под безжалостным светом лампы, которая продолжала освещать место унижения с равнодушием всего неживого.

Тимофей-призрак остался с ней. Он видел, как она медленно опустилась на диван, обхватила себя руками и заплакала – тихо, беззвучно, сотрясаясь всем телом.

Время в этом воспоминании-видении ускорило, как в старом фильме, где кадры сменяют друг друга с нарастающей скоростью. Тимофей видел, как эта сцена повторялась снова и снова – разные дни, то же место, те же люди, те же действия. Видел, как Зарина становилась всё тише, всё безжизненнее, словно что-то внутри умирало с каждым разом.

Когда-то живые глаза, выразительные даже в страхе, постепенно тускнели, становились похожими на стекло – отражающее, но не пропускающее свет. Движения, раньше нервные и резкие, становились механическими, как у заводной куклы. Она приходила, раздевалась, ложилась, вставала, одевалась и уходила – с тем же пустым выражением лица.

Месяц превратил её в тень себя прежней – худую, изможденную женщину с потухшими глазами и вечной полуулыбкой, которая не касалась глаз. Документы, обещанные Тимофеем, так и не появились – всегда находилась причина для отсрочки, новое требование, новое унижение.

А затем наступил день, когда что-то надломилось окончательно. Тимофей-призрак видел, как Зарина сидит на краю кровати в крошечной комнате, которую снимала на окраине города. Напротив – молодой мужчина, Рустам, её жених. Он только что приехал из родного города, чтобы наконец быть с ней, готовиться к свадьбе.

– Я должна тебе кое-что сказать, – голос Зарины звучал странно спокойно для человека, который готовился прыгнуть в пропасть. – Я тебе изменяла. С начальником. Несколько раз.

Лицо Рустама – открытое, честное лицо человека, привыкшего верить людям – медленно менялось, отражая боль предательства, непонимание, гнев.

– Зачем? – только и спросил он. – Почему?

Зарина молчала. Она не могла сказать правду – что не было выбора, что была вынуждена, что это было насилие, а не измена. Почему? Возможно, из гордости. Возможно, чтобы не видеть в его глазах жалость, которая была бы ещё хуже презрения. Возможно, потому что даже в этот момент полного самоуничтожения хотела защитить его – от знания, что он не смог защитить её, от осознания, что месть Тимофеем означала бы крах всех надежд на будущее.

– Я не знаю, – только и сказала она. – Прости меня.

Рустам встал. На лице застыло выражение человека, увидевшего, как рушится весь его мир.

– Прощай, – сказал он и вышел, закрыв за собой дверь так тихо, словно боялся разбудить спящего.

Тимофей-призрак хотел отвернуться, не видеть, что будет дальше. Но что-то – то ли сила, управляющая этим путешествием сквозь время, то ли собственная совесть – не позволяло уйти.

Зарина сидела неподвижно. Щелчок двери прозвучал для неё как приговор – окончательный, бесповоротный. Тимофей-призрак наблюдал, как она медленно поднялась с кровати, двигаясь словно под водой, подошла к маленькому комоду у окна. Пальцы коснулись серебряного браслета – единственной вещи, связывавшей с домом, с матерью.

Она сняла браслет, бережно положила на чистый лист бумаги. Рядом – связку ключей и почти пустой кошелек. Аккуратно расправила лист. Не написала ни строчки. Зачем? Некому читать.

Пространство поплыло, растворяясь в тумане. Щелчок – и он уже в другом месте, в другом дне.

Раннее утро понедельника, три дня спустя. Молодой Тимофей сидел за обшарпанным столом на складе, заполняя бумаги, когда донеслись голоса из соседнего помещения. Две кладовицы, Нина Петровна и Галина, о чём-то взволнованно шептались.

– Говорят, в ванной нашли, – донёсся приглушённый голос Нины Петровны. – Вода красная вся, а она в одежде, представляешь?

– Да ты что? – ахнула Галина. – Прямо в одежде? И что, никакой записки?

– Только серебряный браслетик на столе. И всё.

– А с чего она вообще? Молодая ведь совсем, как её... Зарина.

Имя ударило, словно пощёчина. Тимофей застыл, не дописав цифру. Ручка дрогнула, оставив на бумаге лишнюю черту.

– Кто её знает, – вздохнула Нина Петровна. – Может, с мужиками проблемы. Она же с нашим Тимофеем Сергеичем крутила что-то, все видели, как после работы вместе оставались.

– С завскладом? Да ну тебя! Он же такой... серьёзный.

– А вот поди ж ты. Может, бросил, она и не выдержала.

Голоса стихли. А Тимофей так и сидел с потемневшим лицом, глядя на расплывшуюся кляксу, которая, казалось, становилась всё больше – словно лужа крови на кафельном полу чужой ванной.

Он медленно положил ручку, ослабил галстук. Пальцы казались чужими. В голове – гулая пустота, только одно слово пульсировало в висках: утонула, утонула, утонула.

Тимофей-призрак видел, как молодая версия сглотнула, огляделась – не заметил ли кто? – и с наигранной небрежностью потянулась к сигаретам. Движения были спокойными, но пальцы дрожали.

На заднем дворе склада молодой Тимофей жадно затаился, глядя в серое небо. Моросил дождь, оседая каплями на волосах и плечах. Он не замечал влаги, механически затягиваясь раз за разом.

Зарина мертва. Утонула в ванной, даже не сняв одежды – словно последним жестом отвергая саму возможность обнажения.

Сознание отказывалось складывать факты воедино. Дым словно мог защитить от реальности, закрыть от мыслей, просачивающихся сквозь броню рационализации.

«Я ничего не сделал. Ничего противозаконного. Всё было добровольно. Она могла отказаться».

Но следом, как тёмная тень: «Могла ли? По-настоящему?»

Он тряхнул головой. Стряхнул пепел, наблюдая, как серые хлопья смешиваются с грязью. Дождь усилился, но он стоял, не чувствуя холода, погружённый в мысли, которые впервые не поддавались логике.

«Я не виноват. Не толкал её в ванну, не держал под водой. Она сама решила. Сама выбрала».

Но что-то новое росло внутри – не совесть, нет, Тимофей слишком хорошо научился заглушать этот голос. Что-то другое – осознание, что между причиной и следствием существуют невидимые нити, которые нельзя разорвать логикой или юридическими оправданиями.

Он вспомнил её глаза: живые, испуганные в первый раз. И потухшие, стеклянные – в последний. Вспомнил, как постепенно исчезала искра, как уходила жизнь – задолго до ванной.

Впервые Тимофей почувствовал страх, но не перед законом, а перед чем-то большим. Словно ткань реальности истончилась, и сквозь неё просвечивало что-то тёмное, холодное, безжалостное. Что-то, что видело его насквозь.

Сигарета догорела до фильтра, обжигая пальцы. Он машинально достал новую. Зажигалка чиркнула неожиданно громко. Вдалеке прогрехотал гром.

«Я не виноват», – повторял он, но слова звучали глухо, неубедительно. Не потому, что осознал аморальность – до этого было далеко. А потому что впервые столкнулся с неоспоримым последствием. С тем фактом, что его «ничего» – отсутствие действия, формальная невиновность – убило человека так же верно, как пуля.

Неприятное открытие. Неудобное, раздражающее. Оно нарушало стройную картину мира, где Тимофей всегда был прав, всегда контролировал ситуацию, всегда находил лазейку, позволяющую получить желаемое без платы.

Он выбросил вторую сигарету, не докурив, и вернулся на склад. Остаток дня прошёл как в тумане – отвечал на вопросы, отдавал распоряжения, подписывал документы, но всё это словно делал кто-то другой. А настоящий Тимофей оставался там, во дворе под дождём.

Вечером, дома, наливая виски, он впервые подумал о Зарине как о человеке. О женщине с надеждами и мечтами. О той, кто любила, боялась, надеялась. О той, кого больше нет. Эта мысль не вызвала раскаяния – для этого он был слишком защищён от сопереживания. Но она открыла что-то новое: действия имеют последствия, даже если формально никто не виноват.

Это знание поселилось в нём, как заноза: неудобное, колючее. Не совесть, а скорее, северный страх перед чем-то неконтролируемым. Он никогда не говорил об этом, запрягал глубоко внутрь, как хоронят неприятную тайну. Но оно осталось, притаилось.

И вот теперь, несколько лет спустя, стоя в тумане посреди леса, Тимофей чувствовал, как это знание поднимается из глубин памяти, словно всплывающий из темноты утопленник. Воспоминание о её глазах. О серебряном браслете, оставленном на столе как безмолвное обвинение. О том уроке, который он получил, но так и не усвоил.

Туман клубился вокруг, становясь всё гуще, – размытое зеркало, в котором он видел отражения всех своих поступков, всех тех, кого использовал, кем манипулировал, кому оставлял лишь иллюзию выбора.

Тело начало дрожать, хотя ночь была тёплой. Мелкая, противная дрожь, начинавшаяся в позвоночнике и расползавшаяся по всему телу. Он обхватил себя руками, но холод исходил изнутри.

Это был не физический холод – будто сама реальность истончилась, и сквозь неё веяло ледяным дыханием чего-то чуждого.

Где-то среди деревьев – отчётливый хруст сломанной ветки. Резкий, нарочитый, словно кто-то наступил специально, чтобы привлечь внимание. Тимофей резко обернулся, вглядываясь в молочно-белую пелену. Ничего не видел, но каждой клеткой ощущал – на него смотрят. Пристальный и холодный взгляд, видящий все тёмные закоулки души, все грязные тайны.

Туман начал сгущаться в одной точке, словно стягиваемый невидимыми нитями. Клубы белёсого марева собирались, уплотнялись, постепенно принимая очертания человеческой фигуры. Сначала размытой, как на плохо проявленной фотографии. Потом более чёткой – женской, в длинной одежде, с волосами, собранными в тугий узел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.